

ТРЕТИЙ ГОД ТРАМПА В БЕЛОМ ДОМЕ: ИДЕЙНЫЙ РАСКОЛ И МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ

© БОГАЕВСКАЯ О.В., БОРИСОВА А.Р., БУНИНА А.А., ГУДЕВ П.А.,
ДАВЫДОВ А.А., ДЕСЯТСКИ Е.А., ДМИТРИЕВ С.С., ЖУРАВЛЕВА В.Ю.,
КИСЛИЦЫН С.В., КИРИЧЕНКО Э.В., КУЛАКОВА В.К., МИШИН И.О.,
ЧУДИНОВА К.О., 2020

БОГАЕВСКАЯ Оксана Викторовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Группы экономических исследований Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (bogaevsk@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2127-0475

БОРИСОВА Александра Романовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (a-borisova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-0295-1312

БУНИНА Анастасия Александровна, младший научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (abunina@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7765-6014

ГУДЕВ Павел Андреевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Группы исследований политики США и Канады в Мировом океане Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (gudev@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2951-6313

ДАВЫДОВ Алексей Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Группы изучения региональных отношений Лаборатории "Центр ближневосточных исследований". Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (adavydov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8899-8746

ДЕСЯТСКИ Екатерина Анатольевна, младший научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (elobastova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3598-4404

ДМИТРИЕВ Сергей Сергеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Группы экономических исследований Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (sdmitriev.at.imemo@mail.ru), ORCID: 0000-0003-2538-8219

ЖУРАВЛЕВА Виктория Юрьевна, кандидат политических наук, руководитель Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (zhvika@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1911-625X

КИСЛИЦЫН Сергей Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (skislitsyn@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8438-7964

КИРИЧЕНКО Элина Всеволодовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Группы экономических исследований Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (elinakir@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-8025-5852

КУЛАКОВА Василиса Константиновна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (kulakova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-0677-4440

МИШИН Игорь Олегович, младший научный сотрудник Группы исследований политики США и Канады в Мировом океане Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (mishin.igor2@gmail.com), ORCID: 0000-0002-6547-1319

ЧУДИНОВА Ксения Олеговна, научный сотрудник Группы экономических исследований Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (xenia.chudinova@gmail.com), ORCID: 0000-0002-5557-8956

Богаевская О.В., Борисова А.Р., Бунина А.А. [и др.].

Третий год Трампа в Белом доме: идейный раскол и международная конфликтность. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2020, № 1, сс. 23-50. DOI: 10.20542/afj-2020-1-23-50*

DOI: 10.20542/afj-2020-1-23-50

УДК: 329(73)РП+327.5

Статья поступила в редакцию 27.01.2020.

В статье рассматриваются основные тренды и тенденции 2019 г. во внутренней политике, экономике и внешней политике США. В центре внутривластной жизни страны в 2019 г. – растущий межпартийный раскол власти и общества, проявившийся в двух расследованиях деятельности президента со стороны американского Конгресса, одно из которых закончилось вынесением импичмента Трампу Палатой представителей. Конфликтность политического процесса обнаружилась и во внешнеполитической активности США: администрация Трампа пересматривала отношения как с союзниками, так и с конкурентами на мировой арене.

Ключевые слова: идейный раскол, межпартийное противостояние, эффективность федеральной власти, импичмент, расследование Мюллера, институциональный баланс, экономический рост, торговая война с Китаем, американское лидерство, глобальная конкуренция.

За неделю до Рождества 2019 г. Палата представителей США проголосовала за импичмент президента Дональда Трампа. Так завершилась очередная фаза межпартийного противостояния, которое можно назвать основной характеристикой американского политического процесса последних лет и основной темой 2019 г. Внутривнутриполитический раскол неизбежно проявлялся и во внешнеполитическом поведении США, в котором доминировала конфликтность в отношениях как с союзниками, так и с геополитическими конкурентами.

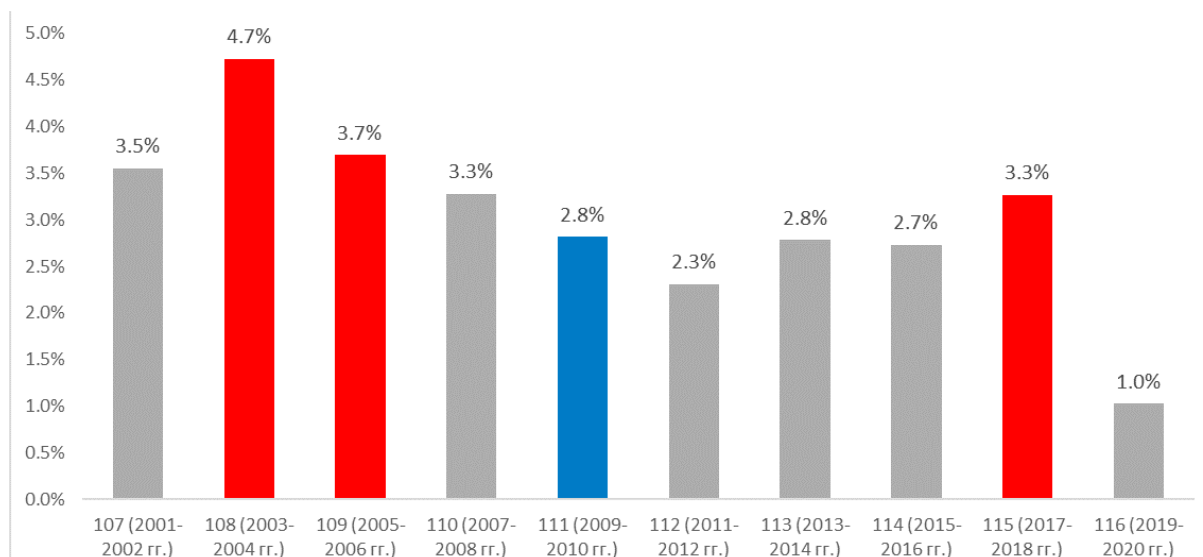
ТРАМП ПРОТИВ ДЕМОКРАТОВ, ДЕМОКРАТЫ ПРОТИВ ТРАМПА

Институциональный конфликт

За прошедшие три года своего президентства Д. Трамп так и остался для двухпартийного истеблишмента чужаком, подрывающим основы демократического политического процесса. И если республиканцы смирились с выбором своего электората и вынужденно проявляют партийную лояльность избранному президенту даже в таких сложных ситуациях, как импичмент, то демократы поставили своей целью вывести из игры "чужеродный элемент" любыми способами. Собрав в 2018 г. большинство в палате представителей, они полностью посвятили себя этой цели.

Президент же получил максимально враждебную нижнюю палату, которая, проигнорировав изначальные призывы к сотрудничеству, полностью погрузилась в расследования его деятельности, блокируя законодательную деятельность всего Конгресса США. За 2019 г. 116-й Конгресс показал наихудшие показатели по числу принятых законопроектов: из 10 332 рассматриваемых законопроектов принято было всего 106, значительная часть из которых так или иначе была связана с расследованием деятельности президента. Сравнить законодательную эффективность с предыдущими составами Конгресса можно по данным, представленным на графике на рис. 1.

Рисунок 1. Доля законопроектов, принятых в период работы созывов Конгресса

Источник: график составлен на основе статистических данных, представленных на сайте Конгресса США [1].

Как видно на графике, в условиях разделенного партийного контроля Конгресс работает с меньшей законодательной эффективностью, чем в периоды, когда одна партия контролирует обе ветви власти. Это типичная ситуация для США. Например, первые два года в Белом доме Трамп делил власть с республиканским Конгрессом, показатели которого по числу принятых законопроектов стали одними из лучших за последние 10 лет. В то время как попытки предыдущего президента Барака Обамы взаимодействовать с республиканским Конгрессом были ожидаемо менее удачными. Однако первый год взаимодействия Трампа с демократами в нижней палате принес худшие результаты. Безусловно, общие показатели 116-го Конгресса еще повысятся, так как до очередных выборов у конгрессменов есть почти год работы, однако судя по данным первого года, он может остаться самым неэффективным с начала 2000-х годов.

Низкие показатели скрывают за собой год наивысшего институционального противостояния, которое проявлялось при рассмотрении всех ключевых вопросов. Традиционно это ярко отражают бюджетные битвы, поскольку бюджет – это основной документ, который обе ветви власти при любой степени несогласия обязаны принимать ежегодно. В Соединенных Штатах сложился сложный процесс принятия федерального бюджета на очередной финансовый год, который начинается 1 октября. После того, как администрация отправляет проект бюджета в Конгресс, соответствующие комитеты обеих палат подготавливают резолюции по бюджету, где фиксируются основные параметры будущих расходов, а затем сводят их воедино. На их основании Палата представителей и Сенат представляют 12 законопроектов об ассигнованиях (*appropriation bills*). В случае разногласий между двумя палатами Конгресса расхождения должен разрешать совещательный комитет. Законопроекты вступают в силу после подписания президентом.

Здесь сталкиваются интересы партий, администрации и Конгресса, федерального центра и штатов, лоббистов разных уровней, велико давление электорального цикла. С 1998 г. федеральный бюджет ни разу не был принят вовремя. Чтобы не допустить остановки работы федеральных ведомств, Конгрессу приходится принимать резолюции о временном финансировании, которые после подписания президентом становятся законами.

Процесс принятия бюджета на 2019 финансовый год начался достаточно благоприятно для администрации. В сентябре 2018 г. были приняты пять (из 12) законов о финансировании, а также резолюция о временном выделении ассигнований на деятельность остальных ведомств до 21 декабря. Однако полноценный бюджет к 21 декабря так и не был принят. Проект новой резолюции не смог преодолеть процедурное голосование, что привело к частичному закрытию деятельности правительства (шатдаун – англ. *shutdown*). Главным камнем преткновения стало требование Д. Трампа выделить 5.7 млрд долл. на строительство стены на границе с Мексикой.

Приостановка работы федерального правительства стала рекордной по времени и продлилась с 22 декабря 2018 до 25 января 2019 г. Надо сказать, что Трамп вообще не боится крайних мер для достижения своих целей: в январе 2018 г. он дважды пошел на шатдаун, правда, оба были кратковременные. В этот раз своевольность Трампа опять превзошла ожидания его оппонентов. Отказаться от обещанной своему электорату стены за год до выборов он никак не мог себе позволить. Поэтому Трамп пошел ва-банк и 15 февраля, после того, как демократы приняли очередной документ об ассигнованиях без учета затребованной им суммы, объявил в стране чрезвычайное положение. Чрезвычайное положение позволило ему перевести необходимые деньги из других статей бюджета: 601 млн долл. из Конфискационного фонда Министерства финансов, 2.5 млрд долл. из программы Министерства обороны по борьбе с наркотиками и до 3.6 млрд долл. из проектов Министерства обороны по военному строительству [2].

Бюджетное противостояние продолжалось фактически весь год. Консолидированный закон о финансировании до конца года был принят только 6 июня 2019 г. До этого времени федеральные ведомства финансировались на основе резолюций о временном ассигновании. И хотя в конце лета Белому дому и Конгрессу даже удалось согласовать двухпартийный закон о бюджете, который отложил вопрос о потолке государственного долга до 2021 г. и поднял бюджетные потолки как на оборонные, так и на гражданские расходы, полноценный бюджет на 2020 финансовый год к октябрю принят не был. Финансирование правительства осуществлялось на основе резолюции о временных ассигнованиях, действовавшей до 21 ноября 2019 г., затем Конгресс одобрил следующую резолюцию до 20 декабря. К этому дню законодателям с трудом удалось согласовать консолидированный закон, который кодифицировал ассигнования на работу правительственных ведомств до 30 сентября 2020 г., избежав шатдауна.

Все конфликтные вопросы фактически были перенесены на 2020 г., в том числе и строительство “мексиканской стены”. В финальном документе президент опять не увидел нужных ему сумм для ее возведения и в ответ объявил, что, пользуясь своим чрезвычайным правом, переведет недостающие средства из уже используемых им для этих целей статей Министерства обороны. В целом в 2020 г. он готов перераспределить на строительство стены дополнительно 7.2 млрд долл [3]. Эти деньги, по оценкам администрации, позволят к

2022 г. построить еще почти 1500 км стены вдоль мексиканской границы, таким образом закрыв практически всю ее сухопутную часть к концу возможного второго срока Трампа. Пока он добавил всего 162.5 км заграждений из обещанных им в 2019 г. 724 км. Вся сухопутная часть границы между Мексикой и США простирается на 3218 км, из них стена была только на участке в 1126 км.

Бюджетная война за стену ярко проявила изменения институционального баланса, которые происходят в США в последние десятилетия в ответ на блокирующее партийное противостояние. Попытавшись получить деньги в обход Конгресса, Трамп фактически посягнул на исключительные полномочия законодательной власти распределять бюджетные средства [4].

К противостоянию законодателей и Белого дома подключилась и судебная власть. В декабре 2019 г. федеральный окружной суд Эль Пасо признал перевод средств администрацией Трампа незаконным, заморозив 3.6 млрд долл. Однако Белый дом обжаловал это решение, подав иск в апелляционный суд, а тот в начале января разрешил продолжить работы, пока идет рассмотрение дела.

Несмотря на негодование конгрессменов, Трамп не первый и не единственный президент, использующий механизм чрезвычайного положения для достижения поставленных целей. Дело в том, что режим чрезвычайного положения при достаточно вольной трактовке президентами ситуации угрозы национальной безопасности в последние десятилетия стал тем инструментом, который позволяет главе исполнительной власти выходить из патовых ситуаций и вопреки сопротивлению оппозиционной партии продолжать реализовывать те меры, которые считает приоритетными для страны.

Этот инструмент, безусловно, открывает путь к бесконтрольности исполнительной власти, которой и хотели избежать авторы системы сдержек и противовесов, реализованной в США. Кроме того, такие чрезвычайные возможности Белого дома действовать вопреки решению законодательной власти в сфере ее исключительных полномочий неизбежно нарушают заложенный Конституцией баланс власти. И хотя история отношений двух ветвей власти показывает, что изменение изначально заложенного баланса неизбежно, конгрессмены в любые времена смириться с этим не готовы [5]. Сторонники доминирования законодательной власти рассматривают такие возможности президента как угрозу демократии. С другой стороны, как показывает опыт последних президентов, идейный раскол между партиями достиг таких масштабов, что фактически блокирует законодательный процесс и ставит вопрос об эффективности политической системы в целом. В этих условиях изменение баланса власти может стать одним из способов сохранения функциональности политической системы.

Идейное противостояние

Текущий институциональный кризис – это лишь одно из проявлений системного кризиса, который касается не только государства, но и общества в целом. Сегодня США пересматривают не только функционал и взаимодействие институтов, но и идейный фундамент этих институтов и систему ценностей, на которой сформировались американские общество и государство. Вопрос “кто мы?”, поставленный С. Хантингтоном [6] в 2004 г., сегодня стоит в американском обществе еще более остро. Президентство Трампа окончательно раскололо страну на два лагеря.

После победы Д. Трампа и последовавшей через два года победы демократов в Палате представителей идейная поляризация политического пространства признается большинством экспертов, как американских, так и российских, ключевой характеристикой текущего периода трансформации, через которую проходит политическая система США.

Это очевидно как на уровне государства, так и на уровне общества. В очередном избирательном цикле партийные программы демократов и республиканцев предлагают совершенно разное будущее своим избирателям: социально ориентированное государство демократов, обеспечивающее своих граждан медицинской помощью и образованием и максимально открытое миру, явно противоречит минимальному государству республиканцев, живущему по принципу “Америка прежде всего”, основной

задачей которого являются создание максимально благоприятных условий для бизнеса и минимизация социальных расходов.

Электорат обеих партий также, судя по опросам общественного мнения, живет в параллельных мирах: начиная с чувства гордости за свою страну, которое испытывают 76% республиканцев и только 22% демократов, и заканчивая отношением к скандальному президенту, личность и деятельность которого еще больше разделила американцев по партийной линии: 89% республиканцев и только 8% демократов положительно оценивают своего президента [7].

Надо отметить, что гордость демократического электората за свою страну также значительно упала именно за период пребывания в Белом доме непопулярного среди них президента: по данным института общественного мнения Гэллапа, 22% – это самая низкая планка среди демократов за последние 19 лет, еще за полгода до появления Трампа в Белом доме в два раза больше сторонников Демократической партии испытывали гордость за свою страну [8]. Показательно, что Б. Обама, который также не пользовался популярностью среди сторонников противоположной партии, все-таки не вызывал такого отчаяния относительно состояния страны у республиканцев, 68% которых по-прежнему испытывали чувство гордости за нее [8].

Раскол общества по партийной линии с очевидностью проявился и в ходе импичмента, в отношении которого сторонники обеих партий придерживались диаметрально противоположных точек зрения. По данным независимого исследовательского проекта *FiveThirtyEight*, 82.2% демократов и только 10.6% республиканцев поддерживали импичмент Трампа. После голосования в Палате представителей по импичменту отстранение президента от должности поддерживали 82.8% демократов и только 8.9% республиканцев [9].

Если до появления в Белом доме Д. Трампа концепция двух Америк все еще представлялась некой гипотезой, относительно которой даже среди экспертов мнения серьезно расходились, то с каждым годом его президентства гипотеза находит все более очевидные подтверждения. Политический процесс окончательно превратился в противостояние двух противоположных ценностных моделей, за каждой из которых стоит свой лагерь, живущий в своей реальности и верящий в свою правду, транслируемую официальными средствами массовой информации.

Одним из ярких эпизодов такого ценностного противостояния в 2019 г. стала “война за стену”. Несмотря на то, что на протяжении самого долгого частичного закрытия правительства 74% американцев крайне негативно оценивали этот конфликт, ни одна из сторон не была готова идти на уступки. Вопрос о 5.7 млрд долл. оказался принципиальным для обеих сторон: в основе этой войны были не деньги, а ценности [10]. Стена на границе с Мексикой фактически превратилась в стену между двумя мирами в одном государстве. Этой стеной мир белого рабочего из центральных штатов, консервативный, постепенно сжимающийся и теряющий свое место в социальной иерархии, пытался отгородиться от космополитичного молодого быстро растущего мира прибрежных штатов, в котором иммигранты составляют уже почти большинство, английский язык знают не все и не везде, и нормы жизни в котором совсем другие. “Стена Трампа” оказалась не гарантией безопасности перед лицом наркотрафика и нелегальной миграции, на которые ссылался лидер, аргументируя свою позицию. Проект стены – это обещание президента своему электорату сохранить их ценностный мир. Демократы тоже боролись не за деньги, а за символы иного ценностного порядка: открытость внешнему миру, космополитизм, социальную, расовую и этническую толерантность. А также за полученное ими на выборах 2018 г. право контролировать своевольного президента.

Оба враждующих лагеря используют одни и те же инструменты борьбы: манипуляцию общественным мнением, вброс информации, шокирующие разоблачения, которые в эпоху постправды стали идеальным политическим инструментом. В этой борьбе информационное пространство превратилось в пространство для дискуссий, политической риторики, но не аналитики и достоверной информации: ничто из этого пространства не может быть абсолютной правдой или абсолютной ложью. Факты подбираются индивидуально, в зависимости от принадлежности к той или иной группе и от того, в какую версию правды верит наблюдающий за противостоянием граждан.

Апофеозом столкновения двух лагерей стало расследование независимого прокурора Мюллера о российском вмешательстве в американские выборы, плавно перешедшее в процесс импичмента президента. Оба дела тесно связаны, одно невозможно без другого, поскольку на кону стоят не просто доказательства злоупотребления Трампом своими полномочиями и его потенциальное досрочное отстранение от власти, но сама судьба прецедента, олицетворяемого Трампом, – сможет ли “чужак” в будущем занять пост руководителя страны в обход установленных правительственными кругами Вашингтона глубоко элитистским правил.

За три года расследований деятельности президента сюжет успел смениться. Начинали демократы с российского вмешательства в выборы в 2016 г., пытаясь выявить факты оказания Трампу незаконной поддержки иностранным государством в ходе предвыборной кампании. Эта линия не принесла желаемого результата: комиссия Мюллера, работавшая почти год, в марте 2019 г. пришла к заключению, что несмотря на наличие многочисленных фактов вмешательства России в избирательную кампанию, необходимых доказательств преступного сговора Трампа с иностранным государством не выявлено.

В конце лета 2019 г. нашелся новый повод: Трамп в телефонном разговоре с украинским президентом высказал просьбу начать расследование деятельности на территории Украины энергетической кампании Бурисма, в состав совета директоров которой входил сын бывшего вице-президента США Дж. Байдена. Демократы разглядели в этом разговоре приглашение иностранного государства вмешаться во внутренние дела США и таким образом помочь Трампу в новой избирательной кампании. Фактов на этот раз оказалось достаточно, и 24 сентября спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси объявила об официальном начале процесса импичмента в отношении действующего президента.

Почти три следующие месяца тянулось расследование. Сначала основная работа проводилась Комитетом по разведке Палаты представителей, который на протяжении двух месяцев вел закрытые слушания свидетелей, а затем перешел к открытым слушаниям этих же свидетелей. По 10 часов каждый из них отвечал на самые разные вопросы конгрессменов. Среди опрошенных комитетом свидетелей были бывший специальный посланник США на Украине Курт Волкер, посол США в ЕС Гордон Сондлэнд, бывшие послы США на Украине Билл Тэйлор и Мария Йованович, заместитель помощника госсекретаря по отношениям с Европой и Евразией Дж. Кент и бывший старший советник Трампа по отношениям с Европой и Россией Фиона Хилл. Все свидетели подтвердили, что просьба президента о начале расследования имела место и что до этого администрация США заблокировала перевод помощи Украине.

Проведенные в ходе процесса импичмента расследования в действительности выявили только одно объективное нарушение со стороны Д. Трампа. Оно опять связано с превышением полномочий президента за счет исключительных полномочий Конгресса. Судя по опубликованной переписке, административно-бюджетное управление администрации президента распорядилось, чтобы Министерство обороны задержало финансовую помощь, выделенную конгрессменами Украине, без согласования с Конгрессом. По Закону о бюджете и контроле над запретом на выделение средств 1974 г. президент не имеет права замораживать или перенаправлять уже выделенные Конгрессом средства без согласования с ним. Если же это все-таки делается, то в течении 45 дней глава государства должен получить согласие Конгресса или вернуть средства.

Для перенаправления финансов на строительство пограничной стены Трампу пришлось объявить чрезвычайное положение в стране. Для замораживания средств, выделенных Украине, этого не потребовалось, но и разрешения Конгресса он не получил. Фактически речь идет именно о нарушении юрисдикции Конгресса и закона, принятого специально в целях контроля законодательной властью действий исполнительной в расходовании выделенных средств. Это единственное доказуемое нарушение Трампа из всех предъявленных ему обвинений. Конгрессменам даже не нужно доказывать, что средства были заморожены с целью надавить на главу иностранного государства. Однако теоретически Трамп может сослаться на все тот же режим чрезвычайной ситуации, объявленный им 15 февраля 2019 г. для вывода средств на строительство “мексиканской стены”, который все еще продолжает действовать.

4 декабря 2019 г. свои слушания начал Судебный комитет Палаты представителей, в задачи которого входил поиск конституционных оснований для импичмента президента по расследуемому делу. Перед комитетом предстали эксперты – четыре специалиста в сфере юриспруденции, трое из которых были выбраны демократами и один предложен республиканцами. Мнения экспертов разделились по партийной линии: представители от демократов с уверенностью заявили, что все конституционные основания для импичмента президента имеются. Правовед от республиканцев назвал весь процесс фарсом и заявил об отсутствии оснований для импичмента.

Изначальный численный перевес сторонников импичмента среди экспертов не смутил членов комитета от Демократической партии, уверенных в собственной профессиональной объективности. Между тем такой результат скорее отражает тот самый идеологический раскол в американском обществе, чем профессиональную объективность приглашенных юристов.

Процесс затянулся, и статьи импичмента передали в Сенат США только в середине января 2020 г. Республиканское большинство Сената намерено закончить свою часть расследования как можно быстрее и переключиться на избирательную кампанию. Однако это не изменит того, что именно импичмент окажет определяющее влияние на избирательную кампанию 2020 г. Ставки в ней максимально высоки: соперники борются не просто за Белый дом, а за доминирование одной из ценностных моделей.

Предварительные итоги президентства Трампа, с которыми он выходит на выборы, неоднозначны. С одной стороны, общий его рейтинг стабильно колеблется между 40 и 43%. В течение всего первого срока его поддержка ограничивается базовым электоратом, который и привел его к победе. При этом на протяжении всех прошедших лет его отрицательный рейтинг также стабильно превышает 50%: большинство граждан страны по-прежнему не считают Трампа своим президентом. Сможет ли он второй раз совершить невозможное и сохранить пост, опираясь лишь на меньшинство, с уверенностью утверждать нельзя. Но один козырь у него пока есть – экономика.

Затянувшийся экономический рост

Несмотря на напряженную политическую повестку, экономическая ситуация в США остается благоприятной. Закончился тяжелый период послекризисного восстановления, и экономика работает в штатном режиме. Подъем, начавшийся в июне 2009 г., в июне 2019 г. преодолел прежний десятилетний рекорд долгосрочного экономического роста и теперь является самым продолжительным в истории США. При этом годовые темпы роста ВВП не превышали 3% в год, максимальные значения (2.9%) были достигнуты в 2015 и 2018 гг. По данным Совета экономических консультантов при президенте США, темпы роста ВВП при администрации Д. Трампа выше, чем в годы экономического подъема, которые пришлось на президентство Б. Обамы: 2.6% против 2.2%, а по темпам роста экономики США в 2019 г. лидирует среди стран "Группы семи" [11]. В 2019 г. ВВП США вырос на 2.4–2.5%, а в 2020 г. рост может составить 2.4%.

Уверенно повышаются потребительские расходы американцев: в 2018 г. их рост составил 3%, в 2019 г. – 2.7%. Остается на низком уровне инфляция: индекс *PCE* в 2018 г. равнялся 2.1%, и в 2019 г. он не превысит 2% (табл. 1).

Основой здорового состояния американской экономики в 2019 г. стала ситуация на рынке труда, которая продолжает улучшаться даже по сравнению с очень благополучным 2018 г. Уровень безработицы не превышает 4% с марта 2018 г., а в сентябре и ноябре 2019 г. безработица достигала рекордно низкого уровня за 50 лет – 3.5%. Увеличиваются доля экономически активного населения (63.2% на ноябрь 2019 г.) и доля работающих в общей численности населения (61%). Число занятых в обрабатывающей промышленности с декабря 2016 г. по ноябрь 2019 г. возросло более чем на 500 тыс. человек, что является предметом особой гордости администрации Д. Трампа. Близки к рекордно низким уровням показатели безработицы для отдельных социальных групп – афроамериканцев, лиц азиатского и латиноамериканского происхождения, молодежи, инвалидов. С марта 2018 г. количество вакансий на рынке труда превышает число безработных, по данным на

сентябрь 2019 г. на одну вакансию приходилось 0.8 безработных. Опросы руководителей компаний подтверждают ситуацию дефицита сотрудников нужной квалификации [12]. Со времени избрания Д. Трампа президентом в ноябре 2016 г. по ноябрь 2019 г. число занятых в американской экономике возросло на 7 млн человек.

Таблица 1. Основные экономические показатели США (% прироста к предыдущему периоду)

	2016	2017	2018	2019*		
				I кв.	II кв.	III кв.
ВВП	1.6	2.4	2.9	3.1	2.0	2.1
Частные потребительские расходы	2.7	2.6	3.0	1.1	4.6	2.9
Частные производственные инвестиции	-1.3	4.4	5.1	6.2	-6.3	-0.1
Жилищные инвестиции	6.5	3.5	-1.5	-1.0	-3.0	5.1
Государственные расходы и инвестиции	1.8	0.7	1.7	2.9	4.8	1.6
Экспорт	0.0	3.5	3.0	4.1	-5.7	0.9
Импорт	2.0	4.7	4.4	-1.5	0.0	1.5
Промышленное производство	-2.0	2.3	3.9	-1.9	-2.3	1.4
Уровень безработицы (%)**	4.7	4.1	3.9	3.8	3.7	3.5
Инфляция (индекс PCE)	1.0	1.8	2.1	0.4	2.4	1.5

* В годовом выражении.

** В последнем месяце соответствующего периода.

Источник: составлено по данным [13; 14].

Превышение спроса на рабочую силу над ее предложением транслируется в рост заработной платы и доходов населения. Реальная почасовая заработная плата выросла на 1.2% с октября 2018 г. по октябрь 2019 г. Стабильно растут реальные располагаемые доходы населения: в 2018 г. их рост составил 4%, в III квартале 2019 г. – 2.9 % в годовом выражении. Медианный доход американских домохозяйств растет с 2014 г., а в 2016–2018 гг. достигал абсолютно максимальных значений за всю историю, увеличившись за этот период на 2.3%. В 2018 г. медианный доход на семью составил 63 179 долл. в год. Доля находящихся ниже уровня бедности в 2018 г. упала до 11.8% – самого низкого значения с 2001 г. [15] Доля владельцев собственного жилья увеличилась до 64.8% в III квартале 2019 г., это значительно выше минимального значения II квартала 2016 г. (62.9%) и близко к среднему историческому значению 65%.

Налоговая реформа, проводимая Трампом с 2017 г., также оказывает положительное влияние на потребительский спрос за счет поощрения создания рабочих мест в США и снижения ставок индивидуальных налогов. Индексы потребительского доверия *Conference Board Consumer Confidence Index* и *Consumer Sentiment*, несмотря на некоторые колебания, находятся на исторически высоких уровнях [16; 17] (по данным за 26 ноября и за декабрь 2019 г. В представленных источниках данные обновляются ежемесячно. – Прим. авт.). При этом в результате снижения ставки корпоративного налога резко сократились суммы уплаченных корпорациями США налогов (на 31.2% в 2018 г. по сравнению с 2017 г., на 10.5% в III квартале 2019 г. по сравнению с III кварталом 2018 г.) [13], что неизбежно привело к росту бюджетного дефицита с 665 млрд долл. в 2017 г. до 779 млрд долл. в 2018 г. и 984 млрд долл. (4.6% ВВП) в 2019 г. Росту дефицита также способствовало межпартийное соглашение о параллельном увеличении расходов на военные и гражданские программы в 2018–2019 гг., заключенное в феврале 2018 г. и затем в июле 2019 г. на 2020–2021 гг., что указывает на перспективу дальнейшего роста дефицита федерального бюджета.

Несмотря на это, пока нет оснований прогнозировать наступление рецессии в американской экономике в течение ближайшего года. Хотя рекордная продолжительность периода экономического роста способствует появлению ожиданий экономического спада, которые будут усиливаться по мере увеличения длительности подъема, низкие уровни безработицы и инфляции, стабильный рынок труда, достаточный резерв производственных мощностей (коэффициент их использования составил в октябре 2019 г.

76.7% при долгосрочном среднем значении за 1972–2018 гг. 79.8%) указывают на имеющийся потенциал роста экономики. С наибольшей вероятностью в 2020 г. экономический рост в США продолжится, и не исключено, что следующий спад будет проходить как обычная циклическая рецессия, не сопровождающаяся глубокими кризисными явлениями или финансовыми потрясениями, как это было в 2008–2009 гг.

Состояние экономики может существенно повлиять на результаты президентских выборов, причем это влияние несимметрично. Хорошая экономическая ситуация не гарантирует переизбрания действующего президента, но в случае проблем в экономике шансы на переизбрание могут резко снизиться. Экономическое благополучие населения (потребительский оптимизм, низкая инфляция, отличное состояние рынка труда, рост реальных доходов, снижение доли бедных, увеличение доли домовладельцев, рост фондовых индексов) могут стать весомыми аргументами Д. Трампа в предвыборной кампании. В то же время факторы риска (рост дефицита бюджета и государственного долга, огромная задолженность частного сектора, неопределенность в связи с торговым противостоянием с Китаем и другими странами, давление на Федеральную резервную систему) не воздействуют непосредственно на американских избирателей и не принимаются во внимание многими из них.

Администрация Д. Трампа, в принципе настроенная на всестороннюю поддержку бизнеса, будет использовать все имеющиеся у нее дополнительные рычаги, чтобы не допустить рецессии до выборов 2020 г. Об этом свидетельствуют, в частности, давление президента на ФРС с целью дальнейшего смягчения монетарной политики и продолжающееся увеличение расходов федерального бюджета вопреки растущему дефициту.

Между тем, несмотря на стимулирующую налоговую и мягкую монетарную политику, в 2019 г. негативные тренды уже проявляются, прежде всего это низкий уровень частных инвестиций и отсутствие роста в промышленности (табл. 1). Можно ожидать, что рост частных производственных инвестиций в 2019 г. составит немногим более 2%, а объем промышленного производства, после роста в 2018 г. на 3.9%, в 2019 г. вырастет только на 0.8–1%. Одной из главных причин слабости этих показателей является неопределенность, связанная с торговым противостоянием США и Китая.

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ: БОРЬБА С КОНКУРЕНТОМ

Торгово-экономическое противостояние

Соперничество США и Китая имеет глубокие корни, кроющиеся не только в торговых, но и экономических и политических отношениях. В основе текущих противоречий – целый комплекс фундаментальных вопросов, не имеющих однозначных и быстрых решений: экспорт высокотехнологичной продукции из США в Китай, доступ на внутренние рынки КНР американских товаров и компаний, проблема передачи технологий, защита прав интеллектуальной собственности. Вряд ли можно ожидать достижения всеобъемлющего и окончательного соглашения между США и Китаем в обозримом будущем, скорее, им предстоит долгий, возможно, многолетний переговорный процесс.

При этом Вашингтон находится в более выигрышной переговорной позиции по торговым вопросам, чем Пекин. Доля в ВВП промышленности и сельского хозяйства, наиболее уязвимых в торговом конфликте, в Соединенных Штатах не превышает 20% (в Китае 48%). США – одна из самых независимых от внешней торговли стран мира: доля внешней торговли в американском ВВП составляет всего 27% (в ВВП Китая – 37%, среднемировое значение – 58%) [18], и при этом является крупнейшим мировым импортером. К тому же введение пошлин и жесткая политика по отношению к КНР поддерживается большим процентом американцев, а пострадавшим от торгового конфликта американским фермерам выплачиваются денежные компенсации, совокупный размер которых только с мая 2019 г. по январь 2020 г. составит 16 млрд долл. [19]

Все это позволило администрации Трампа проводить в течение 2019 г. довольно жесткую политику в отношении Китая, основной задачей которой можно назвать долгосрочное ослабление позиций основного глобального торгового, экономического и технологического

конкурента. Поставленная задача решалась как путем принуждения КНР в одностороннем порядке закупать больше американских товаров, так и с помощью ужесточения условий допуска на внутренний рынок продукции, конкурирующей с национальным производством. Для оправдания применения протекционистских мер регулирования импорта США использовали такие аргументы, как интересы национальной безопасности, необходимость выравнивания торгового баланса и условий конкуренции, а также защиту прав интеллектуальной собственности.

К началу 2019 г. большинство мер, которые предпринимала администрация Трампа, не заставили Китай пойти на принципиальные уступки. Было очевидно, что китайское руководство просто тянет время, чтобы укрепить свои конкурентные позиции. Учитывая приближающиеся выборы и необходимость предъявить электорату конкретные результаты, Трамп сделал достижение торговой сделки с Китаем своим приоритетом на 2019 г. Переговоры растянулись на весь год, в ходе которого предварительные договоренности несколько раз срывались, и американская администрация последовательно усугубляла конфликт.

В рамках переговорного процесса были выделены две большие категории вопросов. Первая касалась торговой сферы: торговые дисбалансы и сокращение торгового дефицита. Вторая группа включала в себя стратегические вопросы, связанные с китайской промышленной политикой: принудительная передача технологий, государственные субсидии китайским предприятиям, защита интеллектуальной собственности и нетарифные барьеры. Требования американской администрации предполагали внесение серьезных изменений во внутреннее законодательство Китая, что вызывало серьезное сопротивление и недовольство китайского руководства.

Дедлайн переговоров неоднократно переносился. Проект сделки, которую были готовы подписать Соединенные Штаты, был подготовлен только в мае 2019 г. Однако Китай проект не утвердил, удалив все положения, связанные с изменением собственного внутреннего законодательства [20]. В результате американская администрация, обвинив КНР в попытке "пересмотреть" основные положения соглашения и отступлении от своих обязательств, перешла к новому витку эскалации.

10 мая 2019 г. тарифная ставка на китайский экспорт на сумму более 200 млрд долл. была повышена с 10% до 25%. Позже США сформировали два дополнительных списка товаров на сумму около 300 млрд долл., куда попали потребительские товары, включая электронику, одежду, обувь, в отличие от предыдущих перечней, включавших средства производства (оборудование, комплектующие, пластмассы, химикаты) [21]. Действующие пошлины США распространяются на импорт товаров из Китая совокупной стоимостью 362 млрд долл. (25%-ный тариф на 250 млрд долл. и 15%-ный – на остальные 112 млрд).

Дальнейшие меры должны были стать одновременно рычагом давления на китайских переговорщиков и средством устранения конкурентов с американского рынка. 15 мая 143 китайские компании, в том числе *Huawei* и порядка 70 связанных с ней фирм, а также другие компании – разработчики систем связи 5G, "искусственного интеллекта", суперкомпьютеров, интегральных схем и полупроводников попали в американский санкционный список [22]. Позже данный список был пополнен еще восемью крупнейшими IT-компаниями Китая, которые имеют отношение к организации системы видеонаблюдения в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе [23; 24].

Параллельно 15 мая Трамп издал исполнительный указ "Об обеспечении безопасности поставок информационно-коммуникационных технологий и услуг", который дал Белому дому право запрещать иностранным технологическим компаниям вести коммерческую деятельность, если они угрожают национальной безопасности США [25]. Ответственными за оценку угроз со стороны иностранного бизнеса для технологического сектора США были назначены Комитет по разведке и Министерство внутренней безопасности.

К давлению на Китай подключился и Конгресс. В Закон об ассигнованиях на национальную оборону на 2019 финансовый год были включены положения, вносящие серьезные изменения в сферу инвестиционного и экспортного контроля. Его составной частью стали поправки в

Закон о модернизации оценки рисков от иностранных инвестиций, а также в Законе о реформе экспортного контроля, которые вступили в силу 13 августа 2018 г. [26]

Поправки в Закон о модернизации оценки рисков от иностранных инвестиций существенно расширили количество типов сделок, попадающих под контроль Комитета по иностранным инвестициям в США, в частности, миноритарные инвестиции в критическую инфраструктуру, в компании, занимающиеся критическими технологиями и имеющим доступ к чувствительным данным [27]. Ранее рассматривались только транзакции, в которых иностранное лицо или корпорация получала контрольный пакет акций в американской компании.

Жесткая позиция Конгресса в отношении китайских компаний, потенциально представляющих угрозу национальной безопасности США, также была отражена в Законе о военных ассигнованиях на следующий 2020-й финансовый год. В него было включено положение, санкционирующее запрет на закупку и использование государственными учреждениями телекоммуникационного оборудования китайских компаний, в частности *Huawei*, *ZTE*, *Hytera* и *Hikvision* [28]. Правило вступило в силу 13 августа 2019 г., за год до установленного Конгрессом крайнего срока (август 2020 г.) [29].

Параллельно с марта 2019 г. США стали проводить масштабную кампанию по давлению на союзников, пытаясь заставить их отказаться от сотрудничества с *Huawei* по внедрению высокоскоростной сети 5G. В частности, США удалось заключить соглашение с Польшей, предусматривающее отказ этой страны от использования китайских технологий беспроводной связи. С точки зрения безопасности кампания была призвана обеспечить целостность сетей НАТО, лишив при этом *Huawei* многомиллиардных контрактов и снизив ее конкурентоспособность.

США внесли Китай в список стран – манипуляторов валютным курсом и объявили о своем намерении запретить американским компаниям покупать китайские ценные бумаги. Трамп также рекомендовал Всемирному банку прекратить выдавать кредиты КНР.

Китай пытался сопротивляться, во многом предпринимая зеркальные меры: ввел довольно болезненные для американских экспортеров тарифы на импортируемые из США товары общей стоимостью 185 млрд долл., создал ограничительный список компаний, подал жалобы в ВТО. Руководство КНР заявило, что оно воспринимает осложнение отношений с США в торговой сфере как сигнал о необходимости ускорить реформы и продолжить курс на импортозамещение. Пекин ограничил закупки продукции *Apple* и заявил о намерении добиваться самообеспеченности по оборудованию для электронной отрасли, микропроцессорам и программному обеспечению. Власти КНР запустили фондовую биржу, специализирующуюся на акциях местных высокотехнологических фирм. Американским судам было отказано в заходах в порт Гонконга, а ряду неправительственных организаций США – в деятельности на территории этого административного района.

Защитные меры, предпринимаемые Китаем, оказались довольно чувствительными для США, но не заставили Белый дом отказаться от заявленных целей. Более того, они вызвали негодование Д. Трампа и привели к новой эскалации конфликта. В частности, в связи с очередным повышением тарифов на американский импорт, в серии ночных “твитов” 24 августа 2019 г. президент США пригрозил воспользоваться Законом о международных чрезвычайных экономических полномочиях и заставить американские компании вывести свое производство из Китая за рубеж [30]. Угроза вызвала неоднозначную реакцию в самих Соединенных Штатах. Трампа обвинили в “вольной” интерпретации закона и окончательном размывании грани между действительной необходимостью в обеспечении национальной безопасности и созданием еще одного “рычага давления” в переговорах с КНР.

К концу 2019 г. Китай “оброс” впечатляющим количеством тарифов и ограничений и понес значительные финансовые и репутационные издержки. В конце концов он был вынужден снизить наложенные ответные ограничения, чтобы избежать срыва собственных же планов по научно-технологическому развитию.

Соединенные Штаты также понесли потери в торговой войне. Несмотря на то, что многие компании увеличили число государственных контрактов, большая часть американского бизнеса потерпела существенные финансовые издержки. В самих США стало расти понимание ограниченной эффективности политики протекционизма, в том числе в силу высокой степени взаимозависимости экономик конфликтующих стран, их вовлеченности в глобальные цепочки снабжения, особенно в сфере вычислительной техники, электроники и информационных технологий.

Фактор приближающихся выборов также сыграл свою роль: Белый дом был вынужден проявлять максимальную гибкость с тем, чтобы постараться выйти на более позитивную траекторию отношений, не потеряв при этом часть электората, настаивающего на сохранении жесткой линии в отношении Китая. 13 декабря Трамп утвердил положения первой фазы торгового соглашения с Китаем [31]. Достигнутые договоренности касаются вопросов торговли, интеллектуальной собственности, передачи технологий, финансовых услуг, валютного регулирования и порядка разрешения торговых споров. Пекин согласился увеличить закупки американских товаров (сельскохозяйственной продукции, рыбных продуктов, энергоносителей, промышленных товаров), а также услуг в ближайшие два года не менее чем на 200 млрд долл. по сравнению с 2017 г. При этом КНР обязалась устранить нетарифные барьеры для импорта говядины, мяса птицы, продукции рыболовства, молочной продукции, риса, кормов, детского питания, овощей и продукции сельскохозяйственных биотехнологий [32].

Китай согласился также работать над решением проблем, связанных с вопросами интеллектуальной собственности, усилить борьбу с пиратской продукцией, отказаться от практики принудительного трансфера технологий, понизить барьеры в сфере финансовых услуг и не прибегать к манипулированию валютой.

Было также достигнуто “тарифное перемирие” – договоренность о приостановке повышения с 15 декабря пошлин на китайский импорт объемом почти 160 млрд долл. в год (в основном бытовая электроника и другие потребительские товары, в закупках которых особенно заинтересована американская сторона). США пообещали также понизить до 7.5% действующие 15%-ные пошлины на 120 млрд долл. китайских товаров, сохранив при этом 25%-ный тариф на 250 млрд долл. импорта из Китая. В свою очередь Китай отложил введение дополнительных пошлин на товары производства США (пошлины в размере 10% и 5% должны были вступить в силу 15 декабря и распространяться на ввоз сельскохозяйственной продукции, а также автомобилей и комплектующих американского производства).

Оценки достигнутых договоренностей, однако, были неоднозначны. Президент США назвал результаты переговоров по первой фазе соглашения “историческим” достижением его администрации. Регулирование валютной сферы, открытие китайского финансового рынка и отказ от схем по принудительной передаче технологий свидетельствуют о значительном успехе в переговорах. С другой стороны, противники Трампа говорили о его полной капитуляции и предоставленной Китаю передышке, по крайней мере до выборов в США [33]. Договоренности оценивались некоторыми экспертами не как обязательства, а скорее, как соглашения о намерении. Комментаторы не без сарказма обращали внимание на тот факт, что за последний год Трамп уже в пятый раз докладывал о полной победе над Китаем в торговой войне. Отмечалось также, что Пекин ранее неоднократно отказывался от обещаний в части закупок американских товаров и также не раз заявлял, что объемы экспорта и импорта должны определяться рынком.

Особенно важно то, что обязательства Китая по структурным реформам не были конкретизированы. Пекин, в частности, настаивал, что уже существенно скорректировал собственное внутреннее законодательство в части режима для иностранных инвестиций и интеллектуальной собственности.

Вопреки скептическим комментариям критиков, 15 января США и КНР действительно подписали первую часть торгового соглашения. Китай обязался импортировать в 2020–2021 гг. товары и услуги американского производства общей стоимостью, превышающей не менее чем на 200 млрд долл. годовой уровень их импорта в 2017 г. (то есть до введения пошлин Трампом).

Речь идет практически об удвоении американского экспорта в Китай (в 2017 г. он составлял 130 млрд долл.). В тексте соглашения закреплено также ожидание американской стороны, что после 2021 г. в течение следующих нескольких лет торговля будет развиваться по нарастающей, способствуя восстановлению равновесия в двусторонних торговых отношениях.

Интересной особенностью достигнутых договоренностей является фиксация в соглашении односторонних обязательств Китая по увеличению импорта. Закупки промышленных товаров (самолеты, другое оборудование, инструменты, химические товары, продукты фармацевтики, черные металлы, пиломатериалы) должны составить 120 млрд долл. в 2020 г. и не менее чем 131.9 млрд долл. в 2021 г. Совокупная стоимость закупок энергоносителей (сжиженный природный газ, нефть, металлургический уголь) зафиксирована на уровне 30.1 млрд долл. в 2020 г. и 45.5 млрд в 2021 г. Обязательства Китая по закупкам сельскохозяйственной продукции на ближайшие два года установлены в размере 80–90 млрд долл. КНР согласилась также импортировать финансовые, информационные и туристические услуги на сумму не менее 99.9 млрд долл. в 2020 г. и 112.2 млрд в 2021 г. (против 56 млрд долл. в 2017 г.) [34]. По экспертным оценкам, для выполнения условий соглашения американцам потребуется наращивать свой экспорт в Китай в 2020–2021 гг. на 40% в год.

Увеличению объемов торговли сельскохозяйственными товарами и продовольствием должны способствовать зафиксированные в тексте соглашения обязательства Китая по отмене сохраняющихся нетарифных барьеров для красного мяса, мяса птицы, морепродуктов, риса, молочных продуктов, детского питания, фруктов, кормов для животных, кормовых добавок, а также сельхозпродуктов, полученных с помощью биотехнологий. Тем не менее возможности США для наращивания в столь сжатые сроки поставок сельхозпродукции и кормов для животных, с учетом обязательств КНР перед третьими странами, достаточно ограничены. Могут также возникнуть проблемы в плане конкурентоспособности экспорта США СПГ, нефти и промышленной продукции.

К числу своих неоспоримых достижений Вашингтон относит сдачу позиций Пекином в отношении американских требований о проведении структурных реформ в экономике, особенно в части регулирования вопросов защиты интеллектуальной собственности и передачи технологий. Известно, что в качестве одного из главных аргументов для повышения тарифов администрация Трампа выдвигала нарушение китайской стороной требований Секции 301 Закона о торговле 1974 г., в том числе касающихся инновационной продукции. Под нажимом США Китай согласился включить в текст торгового соглашения отказ от практики оказания давления на иностранные компании с целью передачи ими технологий китайским компаниям в качестве условия для внедрения на рынок, получения административных разрешений или государственных заказов. КНР взяла на себя также ряд дополнительных обязательств по транспарентности при передаче технологий, согласилась осуществлять лицензирование на рыночных условиях, а также воздерживаться от поддержки инвестиций, нацеленных на получение доступа к иностранным технологиям при реализации планов промышленного развития.

Китай согласился также устранить торговые и инвестиционные барьеры для американских поставщиков банковских и страховых услуг. Согласованы обязательства КНР по вопросу совершенствования ее законодательства, регулирующего вопросы валютной политики. Большинство американских экспертов уверены, что претензии заокеанских властей к Китаю в отношении якобы имевшей место практики манипулирования валютным курсом и так являются необоснованными. Но на этот раз Министерство финансов США сочло возможным еще до подписания соглашения официально исключить Китай из списка стран – манипуляторов, отменив тем самым свои же недавние распоряжения на этот счет.

Главным нерешенным вопросом остается график отмены введенных обеими странами в 2018–2019 гг. таможенных тарифов. Пока стороны согласились лишь воздержаться на неопределенный срок от применения первоначально запланированных пошлин. США обязались также сократить примерно вдвое – с 15% до 7.5% в течение неуставленного срока тарифы на импорт китайских товаров стоимостью примерно 100 млрд долл. Вместе с тем останутся в силе 25%-ные тарифы на импорт из Китая промышленных частей и компонентов

стоимостью 250 млрд долл. Достаточно спокойное отношение руководства КНР к перекосам в вопросе снижения тарифов трактуется китайской стороной таким образом, что действия администрации Трампа причинили американцам больше вреда, чем пользы, в первую очередь из-за нарушения сложившихся цепочек поставок и снижения конкурентоспособности их экспорта. Американская сторона, напротив, отмечает прогресс в сокращении дефицита торгового баланса с Китаем – на 74 млрд долл. в 2019 г. по сравнению с 2018 г. Импорт США из Китая за указанный период действительно сократился на 16%, но и американский экспорт в КНР понизился на 11%. Так что основными выгодоприобретателями стали не столько США, сколько третьи страны.

В том, что касается контроля над соблюдением тарифного перемирия, предусмотрены регулярные двусторонние консультации. При этом каждой стороне позволено осуществлять при необходимости соразмерные шаги, которые она сочтет целесообразными. Другими словами, если США посчитают, что Китай нарушает взятые им обязательства, они смогут в одностороннем порядке восстановить отмененные или пониженные ранее пошлины на китайские товары.

После вступления в силу первой фазы соглашения, возможного спустя месяц после его подписания, американские тарифы будут покрывать примерно 64.5% импорта из Китая, а их средний уровень понизится крайне незначительно – с 21% в настоящее время до 19.3%. Сохранятся пошлины на 90% частей и компонентов из КНР, 87% – одежды и текстиля, а также значительную часть завозимого из этой страны транспортного оборудования и энергоносителей. Китайскими пошлинами возмездия будет покрываться 56.7% американских товаров, а средний уровень обложения тарифами американских товаров понизится с 21.1% до лишь 20.9% [35]. На практике это означает, что высокие таможенные тарифы становятся новой нормальностью в двусторонних отношениях, по крайней мере на ближайшие годы.

Таким образом, почти единственным, но крайне важным достижением дипломатии США и Китая остается замораживание конфликта, длившегося два года. Его негативными последствиями явились замедление роста экономики обеих стран, а также отрицательное воздействие на мировую торговлю в целом. В частности, в самих США на протяжении всего второго полугодия истекшего года отмечалось медленное сокращение производства в обрабатывающей промышленности на фоне общей благоприятной экономической ситуации.

Трамп уже обозначил заинтересованность в незамедлительности переговоров по второй фазе сделки. При этом Вашингтон дал понять, что намерен продолжать диалог на своих условиях. В ходе предстоящих раундов американская сторона намерена уклоняться, по возможности, от обсуждения вопросов, напрямую связанных с понижением или отменой тарифов, и предпочтет сосредоточиться на структурных проблемах, не затронутых в ходе первой фазы переговоров. С точки зрения США, вопрос о возвращении тарифов к состоянию на конец 2017 г. не является первоочередным – по крайней мере до тех пор, пока не будет завершен второй (или, возможно, третий) этап торгового соглашения. Напротив, Китай обеспокоен влиянием тарифов на торговлю и будет, вероятно, настаивать на их скорейшей отмене или поэтапном сокращении. В качестве главных тем для обсуждения американской стороной предлагаются вопросы внешнеэкономической деятельности государственных предприятий КНР и субсидирования китайской экономики. Не случайно США уже начали дискуссию с ЕС и Японией на тему борьбы с субсидиями, искажающими правила мировой торговли.

Достижение договоренностей первой фазы торгового соглашения не остановит американское регулирование технологических потоков в Китай и не создаст гарантий отсутствия в дальнейшем новых поводов для торговых конфликтов. Возможности наращивания США поставок в Китай конкурентоспособной продукции для сбалансирования торговли ограничены. По этой причине Вашингтон продолжит практиковать протекционистские меры в интересах национальной безопасности и защиты прав интеллектуальной собственности.

США и Китай останутся соперниками в технологической гонке, а это означает, что заключение договора лишь сгладило двусторонние противоречия, но не устранило их. Часть членов администрации Белого дома и Конгресса выступает за полное [36], либо частичное

“экономическое разъединение” с КНР [37; 38], но в политико-экспертном сообществе преобладает мнение, что полномасштабное “экономическое разъединение” уже невозможно.

Министерство торговли прорабатывает сценарии ограничения доступа Китая к “чувствительным технологиям” [39], таким как квантовые вычисления, робототехника, “искусственный интеллект” и технологии 3D печати, в повестку дня также внесены вопросы цифровой торговли и кибербезопасности согласно запланированным мероприятиям в рамках Закона об ассигнованиях Министерству обороны на 2019 финансовый год. В частности, 6 января 2020 г. вышел исполнительный указ, ограничивающий экспорт программного обеспечения для разработок “искусственного интеллекта” [40]. Растет число сторонников укрепления политической составляющей переговоров – вынесения на обсуждение вопросов нарушения прав этнических меньшинств Китая. Большой двухпартийной поддержкой пользуется законопроект сенатора от Флориды Марко Рубио “Об уйгурах”, прошедший уже обе палаты Конгресса [41].

Критики Трампа настоятельно подталкивают его к постепенному отказу от прямой конфронтации в пользу “разумной конкуренции” с Китаем. Однако любые попытки нормализации отношений на тактических направлениях, представляющих взаимный интерес, такие как сотрудничество в “зеленой” энергетике или возвращение в США продукции *Huawei*, будут встречать активное противодействие со стороны радикально настроенного крыла администрации и Конгресса, выступающих за “экономическое разъединение”. В Конгресс уже внесен ряд новых законопроектов, предусматривающих, в том числе, подготовку перечня технологий, запрещенных для передачи в Китай, а также выдвигающих дополнительные требования как к китайским компаниям, так и университетам и научным институтам США, сотрудничающим с коллегами из “Поднебесной”.

После возможной смены администрации обстановка взаимного недоверия, характерная для текущего периода, скорее всего, сохранится. В отношениях с Китаем будет преобладать конфронтационная составляющая. Американская сторона продолжит рассматривать КНР в качестве главного стратегического конкурента в гонке за глобальное экономическое и технологическое лидерство. Вероятность того, что текущее противостояние двух крупнейших экономик распространится до стадии затяжной торговой войны, остается высокой.

Политическое напряжение

О смене стратегического вектора в отношении Китая свидетельствует и то, что противостояние двух стран не ограничилось торгово-экономической сферой. В 2019 г. США вернулись к поддержке сепаратистских настроений в Китае. По мере разрастания протестов в Гонконге в ноябре 2019 г. на базе широкого межпартийного консенсуса Соединенные Штаты приняли закон “О правах человека и демократии в Гонконге”. Он обязывает Госдепартамент США ежегодно информировать Конгресс о том, “достаточно ли Гонконг автономен от Китая”, выдавать рабочие и студенческие визы политически преследуемым властями заявителям, а также вводить санкции против лиц, ответственных за нарушения прав человека в регионе, а Министерство торговли США – сообщать о попытках Пекина обойти американские нормы экспортного контроля и санкции с помощью особого статуса Гонконга [42]. Сохранение или развитие данной законодательной нормы со стороны США в контексте истечения в 2047 г. статуса особой экономической и административной автономии Гонконга, согласно Основному закону этого региона от 1997 г., фактически закладывает мину замедленного действия в американо-китайские отношения.

Аналогичным образом в Соединенных Штатах возросло внимание к ситуации в других регионах КНР. На уровне законопроектов стали разрабатываться нормы по введению санкций за нарушение прав человека в отношении уйгуров в Синьцзяне и по поддержке новых поколений политических лидеров и духовенства в Тибете [43; 44; 45]. В отношении Тайваня были приняты символического характера резолюции в обеих палатах Конгресса, подчеркивающие приверженность США сохранению особого характера американо-тайваньских отношений [46; 47].

Параллельно США активизировали военно-морское противостояние с Китаем. 1 июня 2019 г. Министерство обороны США официально представило свою первую Стратегию для Индо-Тихоокеанского региона, суть которой состоит в укреплении двусторонних альянсов США с союзниками и усилении механизмов многостороннего сотрудничества в области экономики, безопасности и свободы судоходства с целью создания совместной сети, охватывающей Юго-Восточную, Северо-Восточную и Южную Азию [48].

Основным пунктом стратегии является недопущение дальнейшего изменения двустороннего баланса морских сил в пользу Китая. В документе официально фиксируется готовность США предпринимать активные действия, направленные на ослабление постоянно растущего влияния КНР в Индо-Тихоокеанском регионе, включая Южно-Китайское море (ЮКМ), и на сохранение подавляющего превосходства США в военной силе. Главная цель Вашингтона в Южно-Китайском море – создание тактического союза против Пекина. В 2019 г. США заметно увеличили свои односторонние и коллективные военные операции в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии.

Основным американским инструментом сдерживания Китая в ЮКМ остаются Операции по защите свободы судоходства ВМС США (*Freedom of Navigation Operations, FON*). Со времени вступления Д. Трампа в должность президента американские военные 15 раз проводили операции *FON* в Южно-Китайском море (в три раза больше, чем при второй администрации Б. Обамы). В 2019 г. Пентагон шесть раз отправлял один или два эсминца в китайские территориальные моря и прилегающие воды в район Парасельских островов, Спратли и Рифа Скарборо без разрешения Китая [49]. При этом другие военно-морские рейды могли проводиться негласно.

В дополнение к *FON* подводные силы и авиация ВС США также часто проводили совместную разведку против Китая в ЮКМ. Согласно доступным статистическим данным, американские стратегические бомбардировщики *B-52*, развернутые на Гуаме, вылетали в район Южно-Китайского моря не менее 16 раз для выполнения военных задач, примерно в четыре раза больше, чем в 2017 г. [50]

В рамках Индо-Тихоокеанской стратегии в 2019 г. США не только продолжили наращивать операции *FON*, но и стали активнее привлекать к ним своих союзников. В январе–феврале 2019 г. впервые за девять лет прошли американо-британские учения в акватории ЮКМ. Другие страны, такие как Япония, Австралия, Индия, Канада и Франция, также расширяют свое военно-морское присутствие в ЮКМ в сотрудничестве с США. 9 мая 2019 г. США провели военно-морские учения совместно с ВМС Японии, Филиппин и Индии. До этого страны участвовали только в трехсторонних, либо двухсторонних форматах учений [48]. Со 2 по 6 сентября 2019 г. прошли первые в истории отношений морские учения США с ВМС всех 10 стран АСЕАН (*ASEAN – US Maritime Exercise, AUMX*). Как отмечали представители ВМС США, “в учениях приняло участие более тысячи человек. Они начались в береговой линии Таиланда, Сингапура и Брунея под руководством ВМС США и Королевских ВМС Таиланда. Их морская фаза прошла в международных водах Юго-Восточной Азии, в том числе в Сиамском заливе и Южно-Китайском море. Завершились учения в Сингапуре” [50].

Очевидно, что частота подобных учений в ЮКМ будет только увеличиваться. Как отметил в феврале 2019 г. руководитель американского командования по Индо-Тихоокеанскому региону адмирал Фил Дэвидсон, “США крайне заинтересованы в привлечении своих союзников к будущим миссиям в ЮКМ” [51].

Сочетание торгово-экономических и политических мер в конфронтации США и Китая с очевидностью свидетельствует об утверждении американо-китайского противостояния в качестве долгосрочного системного кризиса в международных отношениях.

НОВЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКОГО ЛИДЕРСТВА

Союзники в роли конкурентов

В основе международной повестки Д. Трампа лежат преимущественно экономические инструменты борьбы за глобальное лидерство, причем борьба ведется не только с противниками, но и с союзниками. Нередко этот экономический аспект реализации политики нового лидерства называют новым изоляционизмом США, но пока за ним скрываются традиционные для Соединенных Штатов протекционизм и нежелание ограничивать себя рамками международных организаций.

Так, администрация Трампа пересмотрела в 2019 г. торговые соглашения с **Японией**. Новые рамки формируются двумя документами – Соглашением о торговле и Соглашением о цифровой торговле, оба документа вступили в силу 1 января 2020 г. Во многом они стали результатом компромисса, на который Япония была вынуждена пойти, чтобы не допустить ограничения импорта своей продукции на американский рынок по китайской модели. При этом стороны рассматривают соглашение как первый этап заключения комплексного двустороннего договора о торговле [52].

Импорт автомобилей и запчастей является крупнейшей статьёй японского импорта в США, его стоимостной объём в 2018 г. составил 56 млрд долл., а американский экспорт этих категорий товаров в Японию в том же году не превысил 2.5 млрд долл. Американские автопроизводители утверждают, что причина такого дисбаланса – наличие у Японии нетарифных барьеров [53].

Подходящим средством для сокращения внешнеторгового дефицита США, по мнению президента Трампа, являются двусторонние торговые соглашения, в переговорах по которым американская сторона постоянно оказывает давление на партнеров с целью борьбы с тарифными и нетарифными ограничениями и “нечестными торговыми практиками”.

Руководствуясь данным подходом, Трамп развернул активную борьбу с импортом в США продукции автомобильной промышленности из Японии и ЕС. В 2018 г. Министерством торговли США было начато расследование в рамках разд. 232 Закона о расширении торговли 1962 г. Цель расследования заключалась в определении, является ли импорт автомобилей и запчастей в США угрозой для национальной безопасности, то есть оказывает ли он негативное воздействие на американских производителей продукции, значимой для обеспечения нацбезопасности, или же заметное негативное воздействие на какие-либо отрасли или экономику США в целом. Если в подобных случаях делается вывод о существовании такого воздействия, президент может принять меры к его устранению, в том числе, ввести тарифные ограничения импорта на неопределенный срок. По результатам расследования в мае 2019 г. Трамп объявил, что импорт автомобилей и запчастей, в особенности из Японии и стран Евросоюза, представляет угрозу для национальной безопасности США, поскольку отрицательно влияет на конкурентоспособность американских автопроизводителей на мировом рынке и на проведение НИОКР, необходимых для обеспечения военного превосходства Соединенных Штатов [54].

В ходе переговоров о торговом соглашении с Японией администрация Д. Трампа регулярно использовала для усиления своих позиций угрозу ввода тарифов на продукцию японской автомобильной промышленности. Эта тактика отчасти сработала, и США добились значительных уступок [53].

Экономическая политика Д. Трампа в отношении Японии является одним из ярких примеров, показывающих смену курса американской администрации после 2016 г. В январе 2017 г. США вышли из Транстихоокеанского партнерства (ТТП, англ. – *Trans-Pacific Partnership*), и в довольно необычной для себя роли явного лидера и главной движущей силы процесса заключения многостороннего соглашения выступила Япония, сохранив ТТП в практически неизменном виде (новый договор был назван *CPTPP – Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership*) и добившись его подписания всеми экономика-участницами. В декабре 2018 г. договор вступил в силу.

Политика США способствовала ускорению переговорного процесса между Японией и Евросоюзом. В итоге в феврале 2019 г. вступило в силу соглашение об экономическом партнерстве между ними.

Американские импортеры оказались в невыгодном положении, поскольку им пришлось конкурировать на японском рынке и с производителями из экономик – членов *CPTPP*, и с производителями из ЕС – в условиях отсутствия у США договора о свободной торговле с Японией. В первую очередь это относилось к ввозу сельскохозяйственной продукции. Важным вопросом на переговорах о двустороннем соглашении между США и Японией было совпадение его условий с договоренностями в рамках *CPTPP*, сменившего соглашение о Транстихоокеанском партнерстве. Американская сторона прилагала много усилий к тому, чтобы фермеры из США могли получить такой же доступ к японскому рынку, что и экономики – участницы *CPTPP*. Япония, в свою очередь, не хотела допустить обострения отношений, но в то же время не была готова идти на большие уступки, чем в рамках *CPTPP*. В итоге переговоры на этом этапе завершились, скорее, в пользу США и американских импортеров сельскохозяйственной продукции: условия для них в Японии станут примерно такими же, как для импортеров из стран *CPTPP*.

Наиболее значимым практическим результатом соглашения о торговле товарами стало снижение или отмена ограничений на импорт в Японию американской сельскохозяйственной продукции, включая говядину, свинину, некоторые фрукты и орехи, а также вина, сыры и пр. на общую сумму более 7 млрд долл. В 2018 г. американский импорт сельскохозяйственных товаров в Японию составил 14.1 млрд долл., из них не облагались пошлинами товары на 5.2 млрд. По условиям торгового соглашения будут отменены или снижены пошлины еще на 7.2 млрд долл. В итоге более 90% американского импорта продовольственных товаров и сельхозпродукции либо не будут облагаться пошлинами, либо подпадут под условия преференциального тарифного режима [52].

По условиям торгового соглашения Соединенные Штаты отменят или сократят тарифы на ввоз ряда японских сельскохозяйственных товаров (в 2018 г. стоимостной объем их импорта составил 40 млн долл.), также планируется частичное снижение или отмена тарифов на определенные категории японских промышленных товаров, таких как станки, паровые турбины, велосипеды, велосипедные детали, музыкальные инструменты и др. [52]

Японская сторона надеялась избежать введения тарифов на ввоз в США автомобилей и запчастей. Однако такие гарантии не были прописаны в новом торговом соглашении, и снижение уже существующих тарифов пока не обсуждается (они составляют 2.5%, и, к примеру, ТП предусматривало их постепенное сокращение и отмену) [55].

Таким образом, американские фермеры получили равный с производителями сельскохозяйственной продукции из стран *CPTPP* доступ к японскому рынку (несмотря на протесты японских фермеров и отчасти им в ущерб), а вот японские автомобилестроители могут только надеяться, что постоянные угрозы администрации президента Трампа о вводе новых тарифов не будут воплощены на практике. Вероятно, вопрос импорта продукции автомобилестроения из Японии будет обсуждаться в ходе дальнейших переговоров, так как данное торговое соглашение позиционируется американской стороной лишь как первый этап на пути к комплексному двустороннему документу.

Одной из причин нежелания США ограничивать свою свободу письменными гарантиями является угроза позициям Д. Трампа на грядущих президентских выборах, точнее – потеря им части голосов рабочих, занятых на американских автомобильных предприятиях. Тогда как успех новой тактики ведения двусторонних переговоров, вероятно, принесет ему дополнительные голоса избирателей в штатах, где население занимается производством сельскохозяйственных товаров. Японской стороне не удалось добиться ни снижения тарифных ограничений на импорт автомобилей, ни даже письменных гарантий того, что не будут введены новые ограничения. Но, судя по реакции японских политиков, они считают, что, пойдя на уступки, выбрали меньшее из двух зол для своей экономики. К сожалению, если стороны действительно пойдут на второй круг переговоров, угроза введения тарифов как основной аргумент США останется в силе.

Выстраиваемая Трампом новая модель американского лидерства выходит далеко за рамки торговли. Она затронула и отношения с **союзниками по НАТО**, развитие оборонных инициатив которых воспринимается действующей администрацией США как потенциальный вызов. Недовольство Соединенных Штатов недостаточным, с их точки зрения, участием партнеров в финансовом обеспечении коллективной безопасности, с особым усердием демонстрируемое Трампом, олицетворяет, в частности, растущее беспокойство Вашингтона по поводу возможной независимости европейцев и конкуренции в сфере безопасности. Европейские оборонные инициативы – Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны (*PESCO*) и Европейский оборонный фонд (*EDF*) – встречают критическое отношение за океаном. Соединенные Штаты рассматривают эти проекты как противоречащие их интересам на рынке вооружений в ЕС.

Таким образом, выступая за повышение вклада Европейского союза в развитие евроатлантической системы безопасности, США прежде всего сигнализируют о собственном негативном восприятии оборонных инициатив Брюсселя. Однако эмоциональные эскапады Трампа в адрес коллег по НАТО не должны вводить в заблуждение: несмотря на существующие разногласия, США по-прежнему рассматривают эту организацию как основу региональной безопасности. Реальный отказ от полноценного участия в ней или снижение ее роли для региональной политики Вашингтона маловероятны.

При этом напряжение в отношениях партнеров наблюдается и в сфере, косвенно связанной вооружением, – США недовольны закрытием доступа к процессу и результатам европейских НИОКР. Европейские научные проекты в информационных сферах вызывают особый интерес у США, учитывая, что сами американцы активно ведут высокотехнологичные разработки, большая часть из которых закрыта. В перспективе Соединенные Штаты могут сделать серьезную заявку на лидерство в сфере технологий “искусственного интеллекта”/машинного обучения, которые могут изменить глобальный рынок. Конкуренция с европейскими партнерами в этой области будет только расти. Резкое давление Трампа на союзников ожидаемо не нашло поддержки со стороны американских конгрессменов. Последние постарались максимально ограничить его в реализации новой формулы отношений с традиционными партнерами. Чтобы обезопаситься от возможной попытки Д. Трампа покинуть состав Североатлантического альянса, 22 января 2019 г. Палата представителей проголосовала за законопроект “О поддержке НАТО” [56], запрещающий США выходить из данной организации, а также обязывающий поддерживать союзников и осуществлять финансирование Европейской инициативы сдерживания [57], имеющей антироссийскую направленность.

Вместе с тем в 2019 г. США активно участвовали в военно-политической жизни “Старого Света”. Так, сухопутные войска США в Европе были задействованы более чем в 12 учениях на территории Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства (Грузия, Прибалтика, Украина). Также в рамках военно-политического сотрудничества с североευропейскими странами США приняли участие в двух военных учениях: “Северный ветер” (*Northern Wind*, 18–27 марта 2019 г.) [58] и “Арктический вызов” (*Arctic Challenge Exercise*, 22 мая–4 июня 2019 г.) [59].

Кризис союзнических или партнерских отношений США прослеживается и со странами **Ближнего Востока**. Здесь самым ярким примером являются американо-турецкие противоречия. Их глубина обуславливается не только поставкой российских противовоздушных систем С-400 и последующим за ней прекращением военно-технического сотрудничества США и Турции по разработке истребителей *F-35*, но и почти полностью отсутствующей позитивной повесткой двусторонних отношений. Позиционирование Анкары в стратегическом видении Вашингтона в качестве проводника своей политики сначала в отношении Советского Союза, а затем на всем Ближнем Востоке по мере выстраивания Турцией собственной внешнеполитической стратегии привело к взаимному непониманию. Признание обеими палатами Конгресса США геноцида армян [60; 61], оскорбительное письмо Д. Трампа турецкому президенту Р. Эрдогану, перспективы закрытия военных баз США на территории Турции [62] и снятия эмбарго на поставки вооружений Республике Кипр [63], а также ввод и снятие санкций за действия Турции в Сирии [64] и угрозы их эскалации для подрыва турецкой экономики – все эти действия сложно назвать союзническими.

Аналогичный разрыв выстраиваемых ранее Соединенными Штатами стратегических линий в угоду конъюнктурным интересам наблюдается и на другом – антииранском фронте. Односторонняя санкционная политика действующей администрации США против Исламской Республики Иран ради пересмотра Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) сочеталась с несогласованными действиями членов антииранской коалиции из стран региона.

Апогеем давления на Иран стало убийство 3 января 2020 г. руководителя подразделения Корпуса стражей Исламской революции Аль-Кудс Касема Сулеймани. Эскалация американо-иранской напряженности до подобного уровня практически свела на нет перспективу политико-дипломатического реформирования условий СВПД при сохранении действующих санкций. Более того, если в результате данной негативной динамики Иран окончательно откажется выполнять условия плана, возобновит разработку ядерного оружия, а конфронтация окончательно перейдет в военно-политическую плоскость, это нанесет сокрушительный удар режиму нераспространению оружия массового уничтожения и в еще большей степени утвердит в практике международных отношений не принципы международно-правового или договорного ведения дел, а “право сильного”.

При этом администрация Трампа в 2019 г. последовательно отстаивала свою предвыборную линию на выход США из военных конфликтов. В сирийском противостоянии Соединенные Штаты значительно сократили свое вовлечение в процесс урегулирования, поддерживая курдские вооруженные формирования и сохраняя присутствие своих военных сил на востоке Сирии для контроля за нефтяными полями. Тем самым процесс политического урегулирования, осуществляемый в Астанинском формате (Россия–Турция–Иран), на момент 2019 г. стал значительно меньше зависеть от сил США в регионе. Однако в то же время, по мере нивелирования их влияния, в Конгрессе возникли законопроекты, значительно затрудняющие процесс дальнейшей реконструкции Сирии [65].

Параллельно администрация Д. Трампа предпринимала попытки перевода в мирное русло противостояния в Афганистане. На протяжении всего 2019 г. представители Белого дома как на двусторонних переговорах с движением “Талибан”, так и в рамках Московского формата (Россия, США, КНР и Пакистан) искали пути политико-дипломатического разрешения конфликта. Помимо предвыборных обещаний самого Д. Трампа прекратить войну, дополнительным стимулом для американского политического истеблишмента способствовать прекращению войны в краткосрочной перспективе может послужить публикация в декабре 2019 г. газетой *The Washington Post* документов Специального генерального инспектора по реконструкции Афганистана, свидетельствующих о неясности стратегических приоритетов среди высшего командного состава вооруженного контингента США в этой стране, непоследовательности реализации политики и коррупции [66].

Расширение пространства влияния

Борьба с конкурентами экономическими методами проявилась и в активных шагах администрации по расширению американской доли на рынках товаров и услуг, занятых потенциальными конкурентами США, а также по пересмотру правил игры в отдельных регионах мира. Рынком, на захват которого направлены усилия администрации Трампа, стал рынок энергоресурсов, а регионом, где США намерены серьезно расширить свое влияние, становится Арктика.

Билетом США на рынок энергоресурсов стала сланцевая революция. Благодаря быстрому росту добычи сланцевой нефти в США, а также развитию технологий добычи трудноизвлекаемых запасов, эксперты ожидают, что к 2040 г. нефтедобыча в США вырастет на 5 млн баррелей в сутки, и они станут чистыми экспортерами углеводородов. При этом США и американские нефтяные компании могут еще сильнее укрепить свое влияние в мировой энергетике в случае смены власти в Венесуэле и восстановления их прежнего положения в нефтяном секторе этой страны.

Этому же будут способствовать усилия США по санкционному выдавливанию с энергетического рынка других крупных участников. Широкое использование санкционного

инструмента можно назвать одной из характерных черт американской политики сохранения и расширения глобального лидерства в последние годы. Эта линия была намечена администрацией Б. Обамы и в полной мере продолжается командой Д. Трампа. Существующий в политическом истеблишменте двухпартийный консенсус относительно активной внешней политики по продвижению американского экономического и политического доминирования предполагает гибкое использование так называемых умных санкций.

Наиболее яркий пример такой политики – это наращивание санкционного давления на Россию и ЕС, направленного на блокирование проекта “Северный поток-2”. В течении года Конгресс США рассматривал две версии законопроекта “О защите европейской энергетической безопасности” – одну в Палате представителей, другую – в Сенате. По мнению американских законодателей, тот факт, что через новый газопровод в Европу будет поставляться около 80% российского сжиженного природного газа, создаст серьезный вызов для региональной энергетической безопасности и диверсификации поставок, а также вызовет значительные трудности для украинского правительства, которое лишится прибыли от транзита СПГ через свою территорию.

Среди мер противодействия выдвигались варианты введения санкций против физических и юридических лиц, участвующих в создании и функционировании газопровода, выработки единой трансатлантической энергетической стратегии, способствования диверсификации европейского рынка, препятствования использованию Россией экспорта энергоресурсов в качестве инструмента внешней политики. В законах также оговаривалась необходимость введения санкций против лиц, участвующих в развитии российской системы экспортных газопроводов. К концу года основные положения обеих версий закона вошли в состав оборонного бюджета на 2020 г. и были подписаны президентом Трампом.

Арктика постепенно становится регионом, где повестку дня будут формулировать именно США: уже сейчас значительная часть проектов инициируется американской стороной, и затем в их поддержку выступают другие арктические страны. В частности, США обеспокоены активностью неарктических государств в регионе, особенно Китая. США тревожит то, каким образом КНР осуществляет международно-правовое продвижение своих национальных интересов в Арктике. Со стороны Вашингтона звучит критика в адрес изобретения Китаем новых правовых терминов – США не признают одностороннее провозглашение КНР “околоарктическим” государством. Их беспокоит и политика, нацеленная на развитие транспортного потенциала Северного Ледовитого океана и его морей, а также связь между научно-исследовательской деятельностью Китая в Арктике и укреплением его военного потенциала в регионе.

Однако эта обеспокоенность не оказалась достаточным стимулом к развитию более тесных отношений с другими арктическими странами, в частности с Россией. Треугольник противостояния Россия–США–Китай и в Арктике проявляет свой конфликтный потенциал. Несмотря на то, что полномасштабное противостояние двух стран в этом регионе еще не показало себя, Россия продолжает оставаться главным вызовом для США в этой части света. Это касается не только обвинений в милитаризации региона, но и политико-правовых разногласий, касающихся правового статуса Северного морского пути (СМП). США и далее будут настаивать на том, что национальный уровень регулирования навигации по трассе, отстаиваемый Россией, является нелегитимным. При этом нельзя исключать, что США могут пойти на прямое оспаривание российских правоприятий в отношении СМП посредством реализации тех или иных мероприятий в рамках программы *Freedom of Navigation*.

Россия в фокусе политической борьбы

В целом российская повестка в 2019 г. продолжила развиваться в соответствии с вектором, заложенным еще в 2017 г.: общие рамки сдерживания России установлены, РФ прописана в качестве стратегического конкурента, антироссийский консенсус во власти и в обществе с успехом поддерживается информационной войной, которая интенсифицируется по мере внутривнутриполитической надобности. В 2019 г. очередная волна сопровождала расследование Мюллера и была направлена, с одной стороны, на внутреннюю аудиторию – ослабить позиции Трампа, укрепить образ “иностранный агента” в лагере демократов,

блокировать президента. С другой стороны, была у этой информационной войны и внешняя аудитория: укрепление негативного имиджа России в мире – это еще один инструмент устранения конкурентов на международной политической и экономической арене и расширения американского влияния.

Помимо этого, политика в отношении России может быть наиболее ярким отражением раскола американской власти и общества. В этом идейном противостоянии Россия оказалась одним из фильтров идентификации “свой–чужой”, что закрепило за ней особое место во внутривластной борьбе. Фактически через российский фильтр можно рассмотреть все противостояние двух лагерей: президента, поддерживаемого его консервативными избирателями, и демократов, на стороне которых выступает либеральный электорат. Это противостояние стало основным содержанием периода пребывания в Белом доме несистемного политика. В нем с самого начала демонизация России обернулась тактикой вытеснения неудобного президента из политического пространства, “российское расследование” же стало основным инструментом, который выбрали демократы для устранения его от власти.

С того момента, когда Россия оказалась частью избирательной кампании 2016 г., к образу врага, характерного для восприятия РФ после 2014 г., добавился образ “главного обвиняемого”, а логика внутривластного раскола стала полностью определять российско-американские отношения.

Следуя течению внутривластного противостояния, с окончанием расследования Мюллера в антироссийской информационной войне наступило относительное затишье, прерванное лишь выходом США из РСМД, в котором традиционно обвинили Россию. Сами отношения вошли в период временного штиля: периодические взаимные обвинения уже не вызывают удивления или особого внимания общественности, контакты сведены к минимуму вплоть до конца года, когда произошли символические, но традиционно не принесшие результатов встречи Лаврова с Помпео и Трампом. Однако впереди российско-американские отношения ждут новые испытания – президентская кампания наверняка вновь активизирует российскую карту и соответствующую активность демократов-законодателей. К тому же судьба договоров СНВ-3 и Договора по открытому небу будет сохранять российскую повестку в центре внимания в ближайшее время, фактически поддерживая минимальное вынужденное взаимодействие двух стран.

* * *

Третий год администрации Трампа с очевидностью показал, что как внутренняя, так и внешняя политика США определяются ценностной поляризацией власти и общества, достигшей на сегодняшний день рекордных масштабов. Идейная поляризация основных участников осложняет процесс выработки решений, в том числе внешнеполитических, блокируя межпартийное и межинституциональное взаимодействие и радикализируя традиционную конфликтность законодательной и исполнительной ветвей власти.

Продолжающийся экономический рост в еще большей степени затрудняет выработку компромиссных решений, создавая иллюзию безграничных возможностей у политической элиты и завышенные ожидания электората. Одновременно растущее экономическое благосостояние снижает внешнеэкономическую толерантность США и готовность идти на компромиссы с другими участниками мировой торговли. Лозунг “Америка прежде всего” доминирует при выработке любых внешнеэкономических решений действующей администрации.

Руководствуясь этой формулой, действующая администрация придерживается протекционизма во внешнеэкономической и торговой политике и максимального неучастия в коллективных формах международного сотрудничества. Вряд ли такое поведение можно назвать возвратом к классическому изоляционизму. Скорее, США используют его как концептуальное прикрытие для осуществления экспансионистской политики в условиях формирования полицентричного миропорядка.

Доминирующей чертой формирующейся модели глобального лидерства США становится использование инструментов экономического давления для устранения конкурентов как экономических, так и геополитических и расширения рынков и сфер глобального влияния.

Вектор глубинных трансформационных явлений в социально-политической системе США все еще сложно предсказать, однако они уже выходят за рамки внутреннего институционального процесса и проявляются во внешнеполитическом поведении: ведущее государство существующей мировой системы фактически пересматривает глобальные правила игры, что неизбежно влияет на формирующийся полицентричный миропорядок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Statistics and Historical Comparison*. GovTrack. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/statistics> (accessed 25.12.2019).
2. *President Donald J. Trump's Border Security Victory*. The White House. 15.02.2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-border-security-victory/> (accessed 14.01.2020).
3. Miroff N. Trump Planning to Divert Additional 7.2 Billion in Pentagon Funds for Border Wall. *The Washington Post*, 14.01.2020. Available at: https://www.washingtonpost.com/immigration/trump-planning-to-divert-additional-72-billion-in-pentagon-funds-for-border-wall/2020/01/13/59080a3a-363d-11ea-bb7b-265f4554af6d_story.html?utm_campaign=news_alert_revere&utm_medium=email&utm_source=alert&wpsrc=al_news_alert-exclusive--alert-national&wpmk=1 (accessed 15.01.2020).
4. Журавлева В.Ю. *Чрезвычайное положение по-американски*. ИМЭМО РАН, 18.02.2019. [Zhuravleva V.Yu. *Chrezvychainoe polozhenie po-amerikanski* [State of Emergency in an American Way]. IMEMO RAN, 18.02.2019.] Available at: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=4808 (accessed 15.01.2020).
5. Журавлева В.Ю. *Перетягивание каната власти: взаимодействие президента и Конгресса США*. Москва, ИМЭМО РАН, 2011. 163 с. [Zhuravleva V.Yu. *Peretyagivanie kanata vlasti: vzaimodeistvie prezidenta i Kongressa SShA* [Pulling over the Rope of Power: Interaction between the President and the Congress in the USA]. Moscow, IMEMO RAN, 2011. 163 p.]
6. Хантингтон С. *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. Москва, Издательство АСТ, 2008. 635 с. [English edition: Huntington S.P. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York, Simon & Schuster, 2004. 448 p.]
7. Brenan M. American Pride Hits New Low; Few Proud of Political System. *Gallup*, 02.07.2019. Available at: <https://news.gallup.com/poll/259841/american-pride-hits-new-low-few-proud-political-system.aspx> (accessed 20.12.2019).
8. Presidential Approval Ratings – Donald Trump. *Gallup*, Dec., 2019. Available at: <https://news.gallup.com/poll/203198/presidential-approval-ratings-donald-trump.aspx> (accessed 20.12.2019).
9. Bycoffe A., Koeze E., Rakich N. Do Americans Support Removing Trump from Office? *FiveThirtyEight*, 19.12.2019. Available at: <https://projects.fivethirtyeight.com/impeachment-polls/> (accessed 20.12.2019).
10. Журавлева В.Ю. *Война за стену. Шатдаун как битва двух миров внутри одной Америки*. Валдай. Международный дискуссионный клуб, 16.01.2019. [Zhuravleva V.Yu. *Voyna za stenu. Shatdaun kak bitva dvukh mirov vnutri odnoi Ameriki* [War for the Wall. Shutdown as a Battle between Two Worlds inside the One America]. Valdai Discussion Club, 16.01.2019.] Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/voyna-za-stenu/> (accessed 20.12.2019).
11. *Economy Reaches Longest Expansion in U.S. History in Third Quarter of 2019, Beats Market Expectations*. Council of Economic Advisers. The White House, 30.10.2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/articles/economy-reaches-longest-expansion-in-u-s-history-in-third-quarter-of-2019-beats-market-expectations/> (accessed 14.12.2019).
12. Burner T., Supinski L., Zhu S., Robinson S., Supinski C. *The Global Skills Shortage. Bridging the Talent Gap with Education, Training and Sourcing*. The Society for Human Resource Management, 2019. 6 p. Available at: <https://www.shrm.org/hr-today/trends-and-forecasting/research-and-surveys/Documents/SHRM%20Skills%20Gap%202019.pdf> (accessed 14.12.2019).
13. *Gross Domestic Product, Third Quarter 2019 (Second Estimate) Corporate Profits, Third Quarter 2019 (Preliminary Estimate)*. U.S. Bureau of Economic Analysis News Release, 27.11.2019. 17 p. Available at: https://www.bea.gov/system/files/2019-11/gdp3q19_2nd.pdf (accessed 11.03.2020).
14. *Industrial Production and Capacity Utilization - G.17*. Table 11. Board of Governors of the Federal Reserve System. Available at: <https://www.federalreserve.gov/releases/g17/Current/table11.htm> (accessed 11.03.2020).
15. Semega J., Kollar M., Creamer J., Mohanty A. *Income and Poverty in the United States: 2018*. U.S. Census Bureau, Current Population Reports. Washington, DC, 2019. 77 p. Available at: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2019/demo/p60-266.pdf> (accessed 11.03.2020).
16. *Consumer Confidence Survey*. The Conference Board. Available at: <https://www.conference-board.org/data/consumerconfidence.cfm> (accessed 14.12.2019).
17. *Surveys of Consumers*. University of Michigan. Available at: <http://www.sca.isr.umich.edu/> (accessed 14.12.2019).
18. *Trade (% of GDP)*. *World Bank National Accounts Data, and OECD National Accounts Data Files*. The World Bank Group. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS> (accessed 14.12.2019).

19. *USDA Issues Second Tranche of Market Facilitation Program*. United States Department of Agriculture. 15.11.2019. Available at: <https://www.usda.gov/media/press-releases/2019/11/15/usda-issues-second-tranche-market-facilitation-program> (accessed 14.12.2019).
20. Lawder D., Mason J., Martina M. *Exclusive: China Backtracked on Almost all Aspects of U.S. Trade Deal-sources*. Reuters, 08.05.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-backtracking-exclusiv/exclusive-china-backtracked-on-nearly-all-aspects-of-u-s-trade-deal-sources-idUSKCN1SE0WJ> (accessed 12.12.2019).
21. CSMS 19-000236. *Change in Effective Date of Duty Increase of Section 301 (Tranche 3) Duties*. US Customs and Border Protection, 09.05.2019. Available at: https://csms.cbp.gov/viewmssg.asp?Recid=24227&page=&srch_argv=301&srchtype=&btype=&sortby=&sby= (accessed 12.12.2019).
22. *Addition of Certain Entities to the Entity List. A Rule by the Industry and Security Bureau on 05/21/2019*. *Federal Register*, 05.21.2019. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/05/21/2019-10616/addition-of-entities-to-the-entity-list> (accessed 15.12.2019).
23. *Addition of Entities to the Entity List and Revision of an Entry on the Entity List. A Rule by the Industry and Security Bureau on 06/24/2019*. *Federal Register*, 06.24.2019. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/06/24/2019-13245/addition-of-entities-to-the-entity-list-and-revision-of-an-entry-on-the-entity-list> (accessed 12.12.2019).
24. *Addition of Certain Entities to the Entity List. A Rule by the Industry and Security Bureau on 10/09/2019*. *Federal Register*, 10.09.2019. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/10/09/2019-22210/addition-of-certain-entities-to-the-entity-list> (accessed 12.12.2019).
25. *Executive Order on Securing the Information and Communications Technology and Services Supply Chain*. The White House, 15.05.2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-securing-information-communications-technology-services-supply-chain/> (accessed 20.12.2019).
26. *Title XVII – Review of Foreign Investment and Export Controls. H. R. 5515–538. The Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018 (FIRRMA)*. US Department of the Treasury. Available at: https://home.treasury.gov/sites/default/files/2018-08/The-Foreign-Investment-Risk-Review-Modernization-Act-of-2018-FIRRMA_0.pdf (accessed 15.12.2019).
27. Chorzempa M. *New CFIUS Regulations: More Powerful, Transparent, and Complex*. The Peterson Institute for International Economics, 10.10.2019. Available at: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/new-cfius-regulations-more-powerful-transparent-and-complex> (accessed 15.12.2019).
28. S.1790 – *National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020*. *Congress.gov*, 20.12.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790?q=%7B%22search%22%3A%5B%22defens-e-authorization+act%22%5D%7D&s=2&r=3> (accessed 15.12.2019).
29. *Mui Y. Trump Administration to Ban Agencies from Directly Purchasing Equipment or Services from Huawei*. CNBC, 07.08.2019. Available at: https://www.cnbc.com/2019/08/07/trump-administration-to-unveil-rule-that-bans-equipment-or-services-purchases-from-huawei.html?_source=sharebar|twitter&par=sharebar (accessed 15.12.2019).
30. Donald J. Trump. *Twitter*, 24.08.2019. Available at: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/116511122510237696?lang=en> (accessed 20.12.2019).
31. *President Donald J. Trump Has Secured a Historic Phase One Trade Agreement with China*. The White House, 13.12.2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-secured-historic-phase-one-trade-agreement-china/> (accessed 20.12.2019).
32. *United States and China Reach Phase One Trade Agreement*. The Office of the United States Trade Representative. 13.12.2019. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2019/december/united-states-and-china-reach> (accessed 20.12.2019).
33. Chris Murphy. *Twitter*, 13.12.2019. Available at: <https://twitter.com/ChrisMurphyCT/status/1205516647144005632> (accessed 20.12.2019).
34. *Economic and Trade Agreement between the Government of the United States and the Government of the People's Republic of China*. The Office of the United States Trade Representative, 15.01.2020. Available at: <https://ustr.gov/node/10080> (accessed 19.12.2019).
35. Bown C.P. *Phase One China Deal: Steep Tariffs Are the New Normal*. The Peterson Institute for International Economics, 19.12.2019. Available at: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/phase-one-china-deal-steep-tariffs-are-new-normal> (accessed 19.12.2019).
36. *CNBC Transcript: Director for the White House Trade and Manufacturing Council Peter Navarro Speaks with CNBC's "Squawk Box" Today*. CNBC, 31.12.2019. Available at: <https://www.cnbc.com/2019/12/31/cnbc-transcript-director-for-the-white-house-trade-and-manufacturing-council-peter-navarro-speaks-with-cnbc-s-squawk-box-today.html> (accessed 24.01.2020).
37. *Rubio, Colleagues Introduce Bipartisan, Bicameral Bill to Ban Chinese & Foreign Firms that Flaunt U.S. Laws from U.S. Exchanges*. Marco Rubio, US Senator for Florida, 05.06.2019. Available at: <https://www.rubio.senate.gov/public/index.cfm/2019/6/rubio-colleagues-introduce-bipartisan-bicameral-bill-to-ban-chinese-foreign-firms-that-flaunt-u-s-laws-from-u-s-exchanges> (accessed 24.01.2020).
38. *Sinclair H. Schumer Backs Trump on China Tariffs: They Need Us More than We Need Them*. *The Newsweek*, 17.06.2018. Available at: <https://www.newsweek.com/schumer-backs-trump-china-tariffs-they-need-us-more-we-need-them-980420> (accessed 24.01.2020).
39. *Swanson A. Trump Officials Battle over Plan to Keep Technology Out of Chinese Hands*. *The New York Times*, 23.10.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/10/23/business/trump-technology-china-trade.html> (24.01.2020).
40. *Addition of Software Specially Designed to Automate the Analysis of Geospatial Imagery to the Export Control Classification Number 0Y521 Series*. *Federal Register*, 06.01.2020. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/01/06/2019-27649/addition-of-software-specially-designed-to-automate-the-analysis-of-geospatial-imagery-to-the-export> (24.01.2020).

41. S.178 – Uyghur Human Rights Policy Act of 2019. *Congress.gov*, 17.01.2019. Available at: [https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/178/cosponsors?q=%22search%22:%22uighur%22\]&r=3&s=8&searchResultViewType=expanded](https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/178/cosponsors?q=%22search%22:%22uighur%22]&r=3&s=8&searchResultViewType=expanded) (24.01.2020).
42. S.1838 – Hong Kong Human Rights and Democracy Act of 2019. *Congress.gov*, 27.11.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1838?q=%7B%22search%22%3A%5B%22hong+kong%22%5D%7D&s=1&r=1> (accessed 25.12.2019).
43. S.2539 – Tibetan Policy and Support Act of 2019. *Congress.gov*, 24.09.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/2539/text> (accessed 25.12.2019).
44. H.R.2740 – Labor, Health and Human Services, Education, Defense, Foreign Operations, and Energy and Water Development Appropriations Act, 2020. *Congress.gov*, 15.05.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2740> (accessed 25.12.2019).
45. S.Con.Res.13 – A Concurrent Resolution Reaffirming the United States Commitment to Taiwan and to the Implementation of the Taiwan Relations Act. *Congress.gov*, 04.04.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-concurrent-resolution/13> (accessed 25.12.2019).
46. H.Res.273 – Reaffirming the United States Commitment to Taiwan and to the Implementation of the Taiwan Relations Act. *Congress.gov*, 01.04.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/273> (accessed 25.12.2019).
47. Gettleman J., Raj S., Schultz K., Kumar H. India Revokes Kashmir's Special Status, Raising Fears of Unrest. *The New York Times*, 05.08.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/08/05/world/asia/india-pakistan-kashmir-jammu.html?searchResultPosition=2> (accessed 17.12.2019).
48. Ankit P. South China Sea: US Navy Warship Conducts Freedom of Navigation Operation near Paracel Islands. *The Diplomat*, 15.09.2019. Available at: <https://thediplomat.com/2019/09/south-china-sea-us-navy-warship-conducts-freedom-of-navigation-operation-near-paracel-islands/> (accessed 20.12.2019).
49. *Several Characteristics of the Current Situation in the South China Sea. Speech at the "Ocean Security Situation Panel of the 2019 Beijing Xiangshan Forum"*. National Institute for South China Sea Studies, 21.10.2019. Available at: http://en.nanhai.org.cn/index/research/paper_c/id/292.html (accessed 20.12.2019).
50. Kelly T., Perry M. U.S., Japan, India and Philippines Challenge Beijing with Naval Drills in the South China Sea. *Reuters*, 09.05.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-southchinasea-usa-japan-india/us-japan-india-and-philippines-challenge-beijing-with-naval-drills-in-the-south-china-sea-idUSKCN1SF0LS> (accessed 20.12.2019).
51. Lawder D. Trump to Sign U.S.-Japan Trade Deal Proclamation Next Week: Trade Representative. *Reuters*, 04.12.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-japan/trump-to-sign-u-s-japan-trade-deal-proclamation-next-week-trade-representative-idUSKBN1Y82E7> (accessed 25.12.2019).
52. *Fact Sheet on U.S.-Japan Trade Agreement*. Office of the United States Trade Representative, Sept., 2019. Available at: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2019/september/fact-sheet-us-japan-trade-agreement> (accessed 25.12.2019).
53. *Japan – International Trade and Investment Country Facts*. Bureau of Economic Analysis, 19.12.2019. Available at: <https://apps.bea.gov/international/factsheet/factsheet.cfm?Area=614> (accessed 25.12.2019).
54. Fefer R.T., Jones V.C. Section 232 of the Trade Expansion Act of 1962. *Congressional Research Service*, 27.01.2020. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/misc/IF10667.pdf> (accessed 30.01.2019).
55. Чудинова К.О. Состояние американо-японских отношений и их перспективы после заключения торгового соглашения 2019 г. *Россия и Америка в XXI веке*, 2020, № 4. [Chudinova K. O. Sostoyaniye amerikano-yaponskikh otnoshenii i ikh perspektivy posle zaklyucheniya torgovogo soglasheniya 2019 g. [The State of American-Japanese Relations and Their Perspectives after the Conclusion of the Trade Agreement of 2019]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, 2020, no. 4.] DOI: 10.18254/S207054760008223-2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760008223-2-1/> (accessed 21.01.2020).
56. H.R.676 – NATO Support Act. *Congress.gov*, 23.01.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/676/text> (accessed 16.12.2019).
57. *European Deterrence Initiative: the Transatlantic Security Guarantee*. European Parliament Think Tank, 09.07.2018. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI\(2018\)625117](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2018)625117) (accessed 16.12.2019).
58. *Northern Wind. Swedish Army Exercise 2019*. Swedish Armed Forces, 2019. Available at: <https://www.forsvarsmakten.se/en/activities/exercises/northern-wind/> (accessed 16.12.2019).
59. *The Arctic Challenge Exercise 2019 is Over*. NORDEFECO. Available at: <http://www.nordefco.org/The-Arctic-Challenge-Exercise-2019-is-over> (accessed 16.12.2019).
60. H.Res.296 – Affirming the United States Record on the Armenian Genocide. *Congress.gov*, 29.10.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/296/text> (accessed 16.12.2019).
61. S.Res.150 – A Resolution Expressing the Sense of the Senate that it is the Policy of the United States to Commemorate the Armenian Genocide through Official Recognition and Remembrance. *Congress.gov*, 12.12.2019. Available at: <https://congress.gov/bill/116th-congress/senate-resolution/150/text> (accessed 16.12.2019).
62. Наумов А. Рабы Запада, курдские братья и месть американцам. *Коммерсант*, 16.12.2019. [Naumov A. Raby Zapada, kurdskie brat`ya i mest` amerikantsam [Slaves of the West, Kurdish Brothers and Revenge to the Americans]. *Kommersant*, 16.12.2019.] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4196597> (accessed 17.12.2019).
63. S.1790 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020. *Congress.gov*, 11.06.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790/text> (accessed 17.12.2019).
64. Wingrove J. Trump Says U.S. Lifting Turkey Sanctions as Cease-Fire Holds. *Bloomberg*, 23.10.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-10-23/trump-says-u-s-lifting-turkey-sanctions-as-cease-fire-holds> (accessed 17.12.2019).

65. H.R.31 – Caesar Syria Civilian Protection Act of 2019. *Congress.gov*, 03.06.2019. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/31> (accessed 16.12.2019).
66. Whitlock C. At War With the Truth. *The Washington Post*, 09.12.2019. Available at: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2019/investigations/afghanistan-papers/afghanistan-war-confidential-documents/> (accessed 17.12.2019).

TRUMP'S THIRD YEAR: IDEOLOGICAL POLARIZATION AND INTERNATIONAL CONFLICTS

(Analysis and Forecasting. *IMEMO Journal*, 2020, no. 1, pp. 23-50)

Received 27.01.2020.

Oksana V. BOGAEVSKAYA (bogaevsk@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2127-0475, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Aleksandra R. BORISOVA (a-borisova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-0295-1312, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Anastasia A. BUNINA (Abunina@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7765-6014, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Pavel A. GUDEV (gudev@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2951-6313, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Aleksey A. DAVYDOV (adavydov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8899-8746, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Ekaterina A. DESIATSKY (elobastova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3598-4404, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Sergey S. DMITRIEV (sdmitriev.at.imemo@mail.ru), ORCID: 0000-0003-2538-8219, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Victoria Ju. ZHURAVLEVA (zhvika@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1911-625X, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Sergey V. KISLITSYN (skislitsyn@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8438-7964, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Elina V. KIRICHENKO (elinakir@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-8025-5852, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Vasilisa K. KULAKOVA (kulakova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-0677-4440, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Igor O. MISHIN (mishin.igor2@gmail.com), ORCID: 0000-0002-6547-1319, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

Ksenia O. CHUDINOVA (xenia.chudinova@gmail.com), ORCID: 0000-0002-5557-8956, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article is aimed at analyzing the main trends in domestic, economic and foreign policy of the USA in 2019. All the political life of the year was organized around the long-lasting confrontation of the democratically controlled House and Trump. In the core of this opposition are values and institutional

balance of power. Historical ideological polarization brings a new wave of institutional rebalancing: both the President and the Congress fight to extend their constitutional powers. At the same time the Democratic House aims to force out Trump from political process by any means. All through the year, the House was concentrated on investigating Presidential activity, which culminated in a vote to impeach Trump. But the legislative results of the Congress turned out to be the poorest for the decade.

Besides the institutional powers, at the center of the confrontation between the President and the Democrats are values. Both sides represent two different Americas with opposing views on the present and the future of the country. This ideological confrontation showed up perfectly during the longest shutdown at the beginning of the year and then during the impeachment process.

The domestic polarization went in parallel with conflicts on the global stage. America's search for a new format of global leadership brought a whole year of trade confrontation with China, which finally resulted in a highly controversial agreement, the new trade agreement with Japan, the new wave of tensions with European allies about collective defense costs and technological leadership, comeback of the conflict with Iran, the rising competition on the energy markets and the enduring confrontation with Russia. 2019 year made it clear that while it is still difficult to predict the vector of the fundamental transformations, which the USA is now going through, these changes have already influenced American leadership style.

Keywords: *ideological polarization, parties' confrontation, federal government efficiency, impeachment process, Muller investigation, balance of power, lasting economic growth, trade war with China, American leadership, global competition.*

About authors:

Oksana V. BOGAEVSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Economic Research Group, Center of North American Studies,

Aleksandra R. BORISOVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies,

Anastasia A. BUNINA, Junior Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies,

Pavel A. GUDEV, Cand. Sci. (Hist.), Leading Researcher, United States and Canadian Ocean Policy Research Group, Center of North American Studies,

Aleksey A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Regional Relations Research Group, Laboratory "Center of the Middle East Studies",

Ekaterina A. DESIATSKY, Junior Researcher, Center of North American Studies,

Sergey S. DMITRIEV, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Economic Research Group, Center of North American Studies,

Victoria Ju. ZHURAVLEVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of Center of North American Studies,

Sergey V. KISLITSYN, Cand. Sci. (Polit.), Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies,

Elina V. KIRICHENKO, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Group of Economic Research, Center of North American Studies,

Vasilisa K. KULAKOVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies,

Igor O. MISHIN, Junior Researcher, United States and Canadian Ocean Policy Research Group, Center of North American Studies,

Ksenia O. CHUDINOVA, Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies.

DOI: 10.20542/afj-2020-1-23-50